

**ГОЛОС
ЗАРУБЕЖЬЯ**

2

МЮНХЕН 1976

О Г Л А В Л Е Н И Е

В. Пирожкова, Новое сахаровские слушание	1
Н. Лобковиц, Несовершенство человека и общества	3
В. Пирожкова, Архипелаг ГУЛаг, т. III	11
ГУЛаг в наши дни (карта)	17
Свяц. Г. Якунин и Л. Регельсон, Письмо Ген. секретарю ВСЦ	18
В. Самарин, Две эмиграции	31
В. Рудинский, Обзор зарубежной печати	37

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 2

Сентябрь 1976

МЮНХЕН

Новое Сахаровское слушание

В Дании существует Комитет имени А. Сахарова. Председателем комитета является датчанин О. Ф. Андресен, среди членов есть другие, например пастор Г. К. Неерсков, который сам с большой опасностью для себя возил тайно Библии в Россию и другие страны восточной Европы, был за это несколько раз арестован. Кроме датчан в комитет входят эмигранты из стран Восточной Европы, наиболее активны венгр Э. Эстергаз, эмигрант из России и Польши Б. Караватский и русская Людмила Осбрандт.

Этот комитет взял на себя огромную задачу поведать всему миру о нарушении прав человека в коммунистических странах. До сих пор ведь слушания о действительных или мнимых нарушениях прав человека устраивались, если дело шло не о коммунистах. Так, например, философ Бертрам Рассель устроил «слушание» с непременным желанием обвинить американцев. Преступления северных коммунистических вьетнамцев не были даже затронуты.

Первое в истории начинание, которое не боится поставить перед судом международной общественности правительства коммунистических стран за нарушение прав человека в их государствах, носит имя русского, именно — Андрея Сахарова. Казалось бы, уже одно это имя должно было найти в русской эмиграции отклик и сочувствие, больше того, помощь. К сожалению, этого пока не произошло. О первом Слушании, состоявшемся в октябре 1975 г. и трактовавшем о нарушении прав человека в Сов. Союзе, т. е. о том, что должно было бы особенно заинтересовать русскую эмиграцию, свободная русская пресса сообщила мало и неполно. Получилось впечатление, что иностранцы, датчане, потратившие на организацию Слушания массу сил и времени, больше озабочены нарушением прав человека в России, чем сами русские. Дело даже не ограничилось одним равнодушием: выступление З. Шаховской было восприня-

то комитетом как попытка сорвать Слушание, и это бросило тень на всю русскую эмиграцию. Мы не хотели возвращаться к этой печальной теме, но в Копенгагене могли убедиться, какое длительное негативное впечатление произвел поступок З. Шаховской на членов комитета, у которых столько доброй воли. Хочет этого эмиграция или нет, ей придется считаться с тем, что на нее было положено темное пятно.

Тем более русская эмиграция в будущем должна отзываться на все Слушания, которые будут посвящены нарушению прав человека в коммунистических странах. Мы убеждены, что это ее обязанность, тем более, что эти Слушания носят имя русского А. Сахарова, и мы из уст иностранцев слышали, что это имя обязывает.

16 лет тому назад, 13 августа 1961 г., в Берлине коммунисты начали строить стену, разорвавшую живое тело города на две части и сделавшую жителей Восточной Германии окончательно узниками режима.

К этому сроку было приурочено короткое Слушание имени Сахарова, состоявшееся 12 августа 1976 г. в Копенгагене, посвященное нарушению прав человека в Восточной Германии. Большое трехдневное Слушание на эту тему состоится в будущем году в Лондоне, в Вестминстере, в здании Английского парламента.

На небольшом Слушании этого года было семь свидетелей, бывших заключенных, — причем муж и жена Дитрих прибыли на Запад только два месяца тому назад, — и бывших солдат так называемой Народной армии Восточной Германии, которые не вынесли приказа стрелять в безоружных соотечественников, убегающих из коммунистического «рая». Эти солдаты предпочли сами бежать.

Особое положение Германии, ее разделение на свободную и несвободную части, определило темы Слушания, которые отчасти отличались от тем Сахаровского Слушания, посвященного Сов. Союзу. Одним из наиболее интересных свидетелей был

Лотар Линикке. Молодой рабочий, слесарь, он решил в 1968 г. высказать сочувствие чехословацкому народу и даже распространял соответствующие листовки, был арестован и просидел до 1972 г. В тюрьме он подружился с Михаилом Гартеншлегером, который за аналогичное «преступление» был в возрасте 17 лет приговорен к пожизненному заключению. После 10 лет тюрьмы он был в 1971 г. выпущен в Западную Германию, так же как и Линикке.

Оба были, очевидно, выкуплены. Возможно, многие русские не знают, что правительство коммунистической Германии торгует политическими заключенными: оно продает некоторую часть их на свободу в Западную Германию за большие суммы, которые ему платит боннское правительство. Это — практика работников XX века. В общественности Западной Германии идет горячая дискуссия: продолжать эту практику выкупа или нет? Ведь как только коммунистической Германии не хватает валюты, по стране прокатывается новая волна арестов, запасаются новым «товаром». Чем больше выкупают заключенных, тем сильнее переполняются тюрьмы, и нет этому конца. В 1973 г. была объявлена широкая амнистия политическим заключенным, по официальным данным в тюрьмах осталось только 700 политзаключенных, сейчас их число по официальным же данным возросло до 7 800 человек, а по неофициальным — до 17—18 тыс. Заметим в этой связи, что цифра, данная г-жей Синявской на Сахаровском Слушании в октябре 1975 г. о политических заключенных в Сов. Союзе, а именно 10 тыс. человек, уже по сравнению с числом заключенных в маленькой Восточной Германии представляется совершенно неправдоподобной и крайне заниженной. Трудно решить: выкупать рабов коммунистического режима и дальше или нет. Циничные, полностью аморальные коммунистические режимы ставят демократические страны перед трудно разрешимыми задачами.

Но вернемся к свидетелю Линикке. Вместе со своим приятелем Гартеншлегером Линикке отвинтил на немецко-немецкой границе автоматы смерти. Им удалось отвинтить два автомата. Когда они пошли за третьим, по ним открыли стрельбу. Гартеншлегер был убит 30 апреля этого года, а Линикке спасся чудом. Один из отвинченных автоматов был отправлен в ООН и прибыл туда как раз в тот день, когда представитель Германии заявил, что таких автоматов вообще не существует.

Второй автомат свидетели хотели привезти на Слушание. После долгих переговоров германское правительство разрешило вывезти автомат, но датский министр юсти-

ции воспротивился ввозу его в Данию. Г-н Андресен сказал, что этот министр оказался лучшим другом коммунистических поработителей. Но свидетели все же привезли цилиндр, в который закладывается порох и 160 железных кубиков с острыми краями. Если беженец только прикоснется к такому автомату, порох взрывается и кубики впииваются в тело беженца на высоте груди и живота, производя разрывное действие, близкое к действию запрещенных пуль дум-дум. Знаменательно, что проект таких автоматов начал разрабатывать офицер СС Лютер. Они должны были удерживать от бегства заключенных концлагерей. Он начал этот проект в 1943 г. и не успел закончить. Его планы нашли коммунисты и довершили начатое дело. Вспомним главы третьего тома «Архипелага», где рассказывается о беженцах из советских концлагерей — картина тоталитарных социалистических государств (национальных или интернациональных) становится полной.

Но автоматы смерти вмонтированы еще не по всей линии границы. На других ее участках солдаты «народной армии» должны следить за тем, чтобы никто не покинул своего «социалистического отечества». За захват, ранение или убийство беженца пограничники получают награду. Но, видимо, невозможно уничтожить совесть в людях: пограничник, убивший беженца и получивший премию за его голову, может не только перевестись в другую военную часть, но и переменить фамилию. Таким путем скрывает убийца свое злое дело, от которого иначе отвернулись бы его же товарищи. Многие не стреляют, рискуя быть за это наказанными. Были также солдаты и офицеры, которые в 1968 г. отказались принять участие в оккупации Чехословакии. Их осудили на тюремное заключение сроком на 8—10 лет. Свидетели встречали таких людей в тюрьме.

Но отчего люди вообще бегут, несмотря на автоматы смерти и приказ стрелять в беглецов? — Невозможно задушить стремление человека к свободе. Р. Гильдебрандт, председатель «Общества 13 августа» в Зап. Берлине, сказал, что надо ясно различать между такими режимами, которые, хотя и очень несовершенны и ограничивают свободу, но все же допускают, как он выразился, «горизонтальные» инициативы, иными словами, разрешают хотя бы неполитические, каритативные и другие починны без необходимости перед тем непременно просить разрешения свыше. В таком обществе еще можно сделать кое-что, что-то улучшить инициативой граждан «снизу». Но в таком обществе, где малейшее чисто человеческое начинание должно быть одобрено партией, чисто «вертикально», сделать почти ничего

нельзя. Режим должен быть сначала изменен. Мы знаем из письма о. Якунина и Льва Регельсона, печатающегося в этом же номере журнала, что христиане не имеют права даже помогать друг другу в случае болезни или несчастья более или менее организованно, не спросив разрешения партии, в котором им, конечно, отказывают. Таково положение в коммунистических странах.

В заключение нам хочется обратиться к русской эмиграции, к той ее части, которая не стала равнодушной по отношению к коммунизму и тому, что он творит, со следующим призывом: мы, русские, столько десятилетий старались обратить внимание других народов на наши страдания, так часто жаловались на равнодушие этих народов, — не будем же сами равнодушны к

страданиям других народов, происходящим от того же самого коммунистического режима, от которого страдает и наш народ. Не оставим без внимания Слушаний, названных именем А. Сахарова, если они будут трактовать о нарушениях прав человека в других коммунистических странах, но не в самой России. Помочь освобождению народов, также и освобождению нашего народа, преодолеть мировую опасность коммунизма мы можем только солидарностью. Меньше всего мы, русские, имеем право равнодушно смотреть на то, как горсточка активных людей старается пробудить совесть мира, указывая на преступления, совершаемые коммунистическими режимами на всем земном шаре.

В. Пирожкова

НИКОЛАЙ ЛОБКОВИЦ

Несовершенство человека и общества как политическая предпосылка*

Когда меня попросили взять на себя этот реферат, мне первоначально предложили назвать его «Трагика несовершенства человека и общества». Я отклонил это название, потому что мы говорим о трагике только в том случае, если какое-либо происшествие настолько противоречит нашим ожиданиям, что мы находим его абсурдным; так, например, для нас трагична неожиданная смерть молодой матери, потому что никто не может заменить детям мать. Но вряд ли кому-либо придет в голову считать трагической смерть годами угасающей девяностолетней женщины; и только метафизические революционеры, вроде Альбера Камю, говорят о трагике того факта, что некогда нам придется умереть.

Поэтому лишь метафизический революционер может говорить о трагике несовершенства человека или общества. То, что человек, общество и политические учреждения несовершенны, относится к таким же неизбежностям, как смерть, против которых восставать могут только те, кто восстает против неминуемого. Иначе: говорить о трагике несовершенства человека и об-

щества значит прежде всего занять позицию, противоположную реальности: в натуре человека, общества и политических учреждений заключается несоответствие нашему идеалу совершенства.

В то время, когда многие возлагают необузданные надежды на реформы или даже революции, это мое высказывание может показаться очень пессимистичным. Но ввиду неизменной данности можно утверждать, что разочарованность тут не к месту; разумное мышление и действие это учитывают, акцептируют и предполагают.

Поэтому я предпочитаю говорить о несовершенстве человека и общества как *политической предпосылке* и утверждаю три тезиса.

Первый тезис

Как общество, так и политические учреждения существуют только потому, что человек несовершенен; таким образом функция и общества, и политики заключается в компенсации несовершенства отдельного человека.

Второй тезис

Эта компенсация хотя и неизбежна, и, — по крайней мере, что касается общества, — может быть в порядке вещей, но ей не удастся преодолеть человеческое несовершенство; и общество, и политика как таковые несут на себе печать несовершенства. Все попытки освободить человека от его несовершенства социальными или полити-

*) Перевод с немецкого И. Мусман из сборника «Freiheit und Gleichheit oder Die Quadratur des Kreises» («Свобода и равенство или квадратура круга»), Мюнхен, 1974 г.

Профессор философии и политических наук Мюнхенского университета, князь Николай Лобковец, происходит из высших кругов чешской аристократии. В последние годы проф. Лобковец занимает пост ректора Мюнхенского университета.

ческими мероприятиями неизбежно приводят к противоположному: так как они применяют насилие над реальностью, они уничтожают человека, вместо того, чтобы привести его к совершенству; и не случайно, а закономерно то, что осуществление социально-политических утопий завершается террором.

Третий тезис

Демократия западного образца, если ее правильно понимать, — одна из лучших государственных форм прежде всего потому, что она учитывает несовершенство человека. Она покоится на том, что в этом мире совершенство состоит в учете и признании несовершенства; вследствие чего демократию нельзя превозносить как идеал, но нужно рассматривать только как сравнительно разумный «модус вивенди», за который только потому, — но это «только» отнюдь не мелочь, — стоит бороться, что он соответствует реальности, целесообразен и в лучшем смысле слова умен.

Общество как показатель несовершенства

Мысль, что как общество, так и политические учреждения суть выразители человеческого несовершенства, высказывали еще греки. Одной из основных истин, познанных греками, была та, что человек, между совершенством богов и совершенством природы, действительно единственное несовершенное существо. Боги довольствуются собою; каждый из них — маленький космос, и поэтому ни один из них не нуждается в другом. С другой стороны, в природе не существует несовершенства, потому что камни, растения и животные постоянно перевоплощаются друг в друга, ибо им предназначено судьбой вечное изменение; поэтому природа не есть нечто расчлененное, а составляет одно целое.

Между богами и природой стоит человек: он смертен; перед ним — бессмертные боги, за ним — непреходящая природа; он не самодовлеющ, как боги, но все же единственен (неповторим); он наделен от природы хуже всякого другого животного существа, потому что ему не дано естественное управление, которое объединяет в один общий физический мир природные вещества во всем их многообразии.

Если Аристотель пишет, что человек есть «общественное животное», то он не имеет в виду, — как иногда поверхностно переводят, — что он общительное существо; потому что именно животные собираются в стаи и стада. Скорее человек есть существо, которое может жить только в «полисе», в обществе, управляемом законами; как говорит Аристотель, нужно быть

животным или богом, чтобы жить вне «полиса», — или суверенно покоясь в самом себе, как бог, или полностью внедренным в природе, как животное.

Эта мысль не потеряла своего значения и в наши дни. Ведь можно представить себе только две формы совершенства, которые сделали бы ненужным сосуществование с другими и его охрану законами и учреждениями: с одной стороны, довольство собою, которое покоится в своей собственной законченности и поэтому не нуждается в ком-либо и не зависит от кого-либо; с другой стороны, полное слияние с другими, которое не вызывает даже потребности в независимости и самоопределении. Ни то, ни другое не дано человеку: он не замкнут в себе и нуждается в других; но эти другие не гарантируют ему безопасности и оставляют его на произвол судьбы. Как одиночка, человек может прожить только в крайнем случае, и лишь в обществе ему удастся достигнуть условий жизни, которые дают ему возможность хотя бы представить себе, какой в действительности могла бы быть «хорошая жизнь». Однако общество может дать чувство беспечной безопасности только в исключительных случаях; в то время как человек-одиночка видит себя выданным с головой стихиям и явно сознает слабость своего собственного существа, в обществе он встречает насилие со стороны других и анонимную беспощадность общества. Поэтому человек, — и это поняли уже греки, — для того, чтобы сохранить и построить свою жизнь в обществе, нуждается в политическом порядке, который он должен сначала найти, согласовать с другими, но и сам ему подчиниться.

Все вышесказанное можно выразить иначе. Ни Бог, ни животное не являются заданием для самих себя: Бог разрешил свое задание сразу, в то время как животное вообще не знает задания. Человек же, напротив, предоставлен самому себе в качестве задания: он должен сам созидать свою жизнь, потому что он не может распоряжаться природой в той же мере, в какой сам зависит от нее, — чтобы просуществовать, не говоря уже о том, чтобы быть счастливым, и еще потому, что природа не указала ему, как себя вести, чтобы достигнуть вышеуказанного. Что в этом заключается величие человека, не нуждается в особом пояснении; но в то время как античный мир и средние века не замечали, как прекрасно самому определить свое место во вселенной, новое время и наше сегодня в значительной мере потеряли понимание того, что самоопределению человека поставлены сравнительно узкие границы и что человек даже в этих границах обычно

жалким образом не справляется со своей задачей.

Ибо хотя и кажется, что человеку свойственно спонтанно создавать то, что мы сегодня определяем очень затасканным, но все же шатким обозначением «общество»; тем не менее община, первоначальным смыслом которой была борьба со стихиями с целью выжить, с доисторических времен давала человеку много больше, чем только защиту от сил природы.

Маркс однажды написал, что человек не что иное, как «совокупность общественных отношений», — т. е. он настолько общественное существо, что только в обществе и через общество он может себя выявить. Это, конечно, преувеличение, потому что должно привести к бессмысленному выводу, будто сначала существовало общество доисторических существ, из которого потом произошел человек; человек же, бесспорно, есть нечто более субстанциональное, чем только его общественная роль, — и он должен был уже быть в мире особым существом, прежде чем возникло нечто подобное обществу. Но до известной степени Маркс прав: только потому, что человек вошел в сношения с существами, подобными себе, и выработал правила поведения, без которых не только язык, но никакое культурное и цивилизационное достижение немыслимо, он мог развить свое человеческое бытие.

Хотя человек представляет собою нечто гораздо большее, чем ткань междулических отношений, и предполагает общество человека, как нечто в нем самом существующее; но без общества человек не может ни развиваться, ни выжить. Если отвлечься от простого бытия человека, то почти все, что мы ощущаем, как человеческое, — от преобразования природы, образования языка и до высших форм культуры, — почти полностью представляет собою коллективное достижение.

И все же этот коллектив ни в какой мере не может превратить человека из несовершенного существа в совершенное. В новейшее время постоянно утверждались два противоположных положения: согласно одному, общество — губитель человека, поэтому нужно отойти от общества и вернуться обратно к природе; согласно другому, общество, пусть не теперешнее, но безусловно будущее, преодолеет все человеческое несовершенство. Обе точки зрения, без сомнения, абсолютно неправильны.

Можно, конечно, спорить о том, что определенный тип общества скорее калечит людей, чем обогащает; но в основном не может быть возврата к доисторическому состоянию, который не отнял бы у челове-

ка все возможности развития; и если бесспорно, что человек может выявить себя только в общении с другими людьми, в обществе, то все же не существует такой формы общества, которая сделала бы его другим существом. Это последнее не может осуществиться не только потому, что человек, даже если он, — как однажды выразился Маркс, «все возможности черпает в себе», — остается в высшей степени несовершенным существом; невозможность основана, прежде всего на том, что на пути человека от природы к обществу, хотя, с одной стороны, и происходит постепенное освобождение его от сил природы, но, с другой стороны, именно это освобождение с каждой ступенью ведет его к все увеличивающейся опасности от него самого.

Политический порядок как корректив несовершенства

Хотя природа оделила человека скупее, чем другие живые существа, она все же не оставила его на произвол судьбы и дала ему, — хотя и в меньшей мере, чем большинству животных, — инстинкт сохранения своего вида. Этот инстинкт в процессе социализации сходил на нет и заменялся, с одной стороны, знаниями и техническими преобразованиями, и, с другой стороны, найденными человеком и узаконенными им правилами поведения.

Как доказывает история человечества, это развитие имело огромные преимущества; оно сделало человека существом, — часто, однако, не столь к лучшему, сколь к худшему, — получившим господство над природой. Но в нем коренится огромный недостаток, который в ходе компенсации человеческого несовершенства обществом ведет к новому несовершенству: в то время как инстинкт включается как биологический механизм без предварительного размышления и принятия решения, правила могут быть произвольно нарушаемы.

Правда, и обществу известны механизмы, которыми оно превращает соблюдение правил в похожий на инстинкт автоматизм: различными способами оно карает несоблюдение правил, награждает их добросовестное исполнение и таким образом воспитывает человека в духе соблюдения законов. Тем не менее, это искусственное восполнение не может возместить безошибочный инстинкт: чем более развито общество, тем существеннее опасность, что некоторые или даже многие его члены не будут соблюдать законов.

Поэтому в каждом человеческом обществе, существующем известное время и имеющем определенную величину, рано или поздно возникает нечто вроде политического строя. В то время как общество

есть не только объединение для защиты, но и для труда и добычи пропитания, функция политического строя заключается главным образом в защите членов общества друг от друга. Едва артикулированные вначале правила превращаются затем в законы, несоблюдение которых карается ясно сформулированными принудительными мерами; из ведущих личностей или групп создаются учреждения, которые стоят на страже соблюдения законов; возникает урегулированный образ действий, которым создаются, изменяются или отменяются законы, а также контролируется работа учреждений; и составляются кодифицированные селективные правила, при помощи которых утверждаются те, кто судит, решает, распоряжается и приводит в действие исполнение приказов.

В последние десятилетия в политической науке утвердилось представление, что решающую роль в политическом порядке играют те, у кого сосредоточена власть, т. е. личности, группы или социальные прослойки; действительно, уже греки различали известные им политические и государственные формы по признаку, один ли, несколько, или все, — т. е., по возможности, никто, — обладают властью. Но было бы слишком примитивно сводить политический строй к структуре власти. В основе он всегда больше, чем только власть или тем более эксплуатация, потому что он, по крайней мере до некоторой степени, должен опираться на согласие членов общества; и он признается ими, потому что плохо ли, хорошо ли, но выполняет основную задачу политики, а именно, — охраняет людей друг от друга и помогает им защищать их права, которые, конечно, могут быть очень различны от эпохи к эпохе и в меньшей степени от взаимоотношений социальных слоев. В этом смысле политический строй есть и всегда будет крайним средством: как общество компенсирует тот факт, что единичный человек не независим, как боги, но подвержен произволу стихий, так политика компенсирует редуцирование инстинктов сохранения вида, которое влечет за собой процесс социализации; она регулирует, что дозволено, запрещено или рекомендовано, делает из нечетко оформленной структуры общества институционный строй и стоит на его страже, следит за его сохранностью.

Однако и политический строй не совершенен. Прежде всего, ему не удастся преодолеть антропологические основы предпосылок всей социально-политической сферы: несовершенство человека. Многократно предполагалось, что существует один единственный правильный политический

строй: стоит только его осуществить, и исчезнет все несовершенство в мире. Но каждый раз снова оказывалось, что совершенный политический строй, — не что иное, как совершенное общество, — предполагает иного человека, чем он есть в действительности. Это выражается уже в том, что все социально-политические утопии предполагают, что ими найдена та единственная во всей истории человечества ошибка, устранение которой обеспечит установление истинно-справедливой политики.

Так марксизм утверждает, что устранением частной собственности на средства производства политика могла бы сделать ненужным принуждение, и государство растворилось бы в гармоническом обществе без какой-либо политической структуры. Но отнюдь не трагическая случайность, что соответствующие эксперименты привели к полицейским государствам с невиданным до сих пор террором; уже через несколько месяцев после Октябрьской революции Ленину стало ясно, что его утопия совершенного общества может осуществиться только принуждением к ней миллионов и миллионов людей.

К тому же выяснилось, что, собственно говоря, должно было быть известно с самого начала: что утопии, которые хотят устранить несовершенство человека, должны применять насилие, — а идеологически мотивированное господство насилия принципиально не в состоянии упразднить само себя, потому что, как только начинает спадать террор мнимой спасительной революции, человеческая натура со всем своим несовершенством выйдет снова наружу.

Демократия — разумный порядок несовершенства

Можно ли вообще человеческое несовершенство победить насилием и террором? Нет, его *нельзя* преодолеть принципиально, и разумная политика предполагает его и должна с ним считаться. Желание ввести справедливый политический порядок террором и насилием есть абсолютное непонимание того, во имя чего политика существует: для защиты людей друг от друга и, вопреки неизбежной социализации, создания того свободного пространства, в котором имеется для них единственная возможность развиваться в обществе и несмотря на общество. Фундаменталисты всякого толка, от сторонников идеи христианского государства до коммунистов, постоянно упрекают демократию западного образца в том, что она оставила поиски лучшего политического строя и покорила плурализму, который невозможно согласовать с истиной. Этот анализ правилен, но упрек

все же несправедлив. Демократия основана на сознании, что политика не имеет ничего общего с истиной, разве только с той истиной, которую Аристотель назвал практической и которая состоит в том, чтобы хорошо разбираться в правилах для разумных действий. Демократия, если ее не принимать ошибочно за идеологию, есть политическое убеждение тех, кто понял, что не может быть единой истинной политики, а существует только совокупность множества конкурирующих интересов, которые необходимо согласовать между собою, — что политика состоит в том, чтобы дать свободное развитие возможно большему количеству этих интересов, если они в основном не пересекаются с такими же интересами других.

Нет более глупого оправдания демократии, чем утверждение, что большинство всегда право; ибо, исходя из того, что истина насквозь недемократична и поэтому ничего не имеет общего с разумной политикой, в демократии как в политическом строе речь идет не о том, кто прав, а о том, как объединить многообразие интересов в относительно гармоническое целое. Большинство, как таковое, тоже не способно решать, как и меньшинство, что истинно и правильно: решение большинства есть не больше, но и не меньше, чем изъявление воли большинства. Поэтому к сущности демократии относится контроль правительства, составленного из большинства, и сохранение меньшинством своих прав. Иначе говоря: демократия как временная власть, избранная большинством, имеет смысл и не теряет смысла, пока все решения правительства и голосования определены ясными границами соответствующего законодательства и представителям большинства невозможно уничтожить или заставить замолчать меньшинство.

Таким образом понятая демократия западного образца является действительно разумным политическим строем; потому что, вместо попытки уничтожить несовершенство в мире, она даже лучшим правителям предоставляет власть только до тех пор, пока они выдерживают испытание, и тем самым ставит их действия под постоянный контроль. Этим способом устраняется не только неограниченная власть одного лица, группы лиц или социального слоя, но также оказывается противодействие соблазну любого политического строя захватить больше функций и прав, чем ему надлежит. В современном индустриальном обществе стало неизбежным вмешательство государства в целый ряд областей, которые раньше считались частными или во всяком случае не государственными. При этом госу-

дарство не всегда избегало соблазна управлять и регулировать больше, чем ему надлежит. Однако только в демократии возможно здоровое недоверие, которое в таких случаях оказывает противодействие подобным тенденциям, не ставя под вопрос политический строй в целом; при всех других государственных формах нужно или принимать каждое извращение данного политического порядка, или восставать против него безоговорочно.

Такие взгляды в настоящее время презрительно низводятся к «формальной» демократии, а в подтверждение приводится знаменитое словечко Лассаля о «государстве — ночном стороже». Но, во-первых, я не вижу, почему «государство — ночной сторож» достойно презрения; оно в самом главном и основном выполняет единственно легитимные задачи политики, а именно, — препятствовать несовершенным и в связи с этим при всем самовозвеличении вечно склонным к зависти и жажде власти людям слишком вредить друг другу или слишком мало помогать друг другу. Во-вторых, те, кто пренебрежительно говорит о «только формальной демократии», оказываются, как правило, теми, кто об обществе и о политическом строе имеют совершенно определенное идеальное представление, которое они, если дать им волю, внедрили бы путем насилия.

Теперь стало правилом указывать пальцем на тех, у кого есть хоть отдаленный шанс или только поползновение господствовать над другими и эксплуатировать их. Однако нет больших властолюбцев, чем рьяные реформаторы-интеллектуалы и политические идеалисты, а политические утописты, если они приходят к власти, не останавливаются перед самым жестоким угнетением и эксплуатацией.

Глупая болтовня о том, что человеку необходима конкретная утопия, послужила в последние годы выдвиганию чего-то совсем иного, чем конкретная утопия. Известные до сих пор результаты свидетельствуют о типичной жестокости самозванной элиты, воображающей, что она обладает патентом на истину. Демократия и может, и должна позволить себе пренебречь подобными утопиями и брать человека таким, каков он есть, а именно — несовершенным. Проблемы, которые необходимо решить, стоят непосредственно перед нами, а не в туманном будущем, когда человек каким-то таинственным превращением достигнет якобы совершенства.

Заключение

Возможно, мне возразят, что это же не все; я показал только скелет, который

должен обрести живой плотью. Я этого не оспариваю; но в том-то и дело, что живая плоть не есть политическая плоть. Политика и политический строй не больше, чем рамка и инструмент, а не смысл и уж тем более не полнота человеческой жизни. С политикой и политическим строем дело обстоит так же, как с полицией: при наличии человеческого несовершенства, — в котором не на последнем месте стоит и ведущее к заблуждениям стремление к совершенству, — она необходима; но так как она крайнее средство и средство защиты, то в ее задачи входит постоянно и заново сокращаться до допустимого минимума. У сравнительно недавно прозвучавшего призыва к так называемой разумной политизации*) была примесь тоталитаризма хотя бы потому, что каждое противодействие политизации неизбежно должно быть само политическим; к демократии же относится отражение любого тоталитаризма и не в последнюю очередь очень тотального требования

*) Политизация всего населения — лозунг некоторых левых, который означает, что все население следует привести к тому, чтобы оно непрерывно занималось политикой и входило во все подробности любого закона или реформы, утверждаемых парламентом. Иными словами, каждый гражданин должен стать экспертом буквально по всем вопросам хозяйства, внутренней и внешней политики государства. Когда это будет достигнуто, парламент станет ненужным и все большие и малые вопросы, которые теперь решает парламент, будут решаться референдумом. (Прим. редакции).

политики или даже самой демократии.

Чтобы явить мои представления в правильном свете, я закончу их личным примечанием. Я старался показать, что политика и общество — это компенсация человеческого несовершенства, но они не могут освободить человека от его несовершенства или же заменить его своим совершенством: и вывел из этого заключение, что разумная политика должна исходить из предпосылки трех несовершенств: человека, общества и ее самой. Хотя я отверг всякую трагиду этого круга несовершенств, я все же далек от того, чтобы считать такое положение удовлетворительным; тот, кто довольствуется несовершенным, не понял, что такое несовершенство. Я только потому считаю возможным с ним мириться, что придерживаюсь следующего мнения: смысл жизни человека заключен не в нем самом.

Подлинный смысл и, значит, возможность человеческого совершенства мы должны искать в другой плоскости. Как христианин я замечу, что совершенство твари заключается в отречении от самого себя и отдаче себя Творцу. Но это мое личное исповедание, а не высказывание политической науки. Последняя должна, независимо от того, удовлетворяет это или нет, ограничиться указанием, что в области политики и общества возведенные в самоцель поиски совершенства превращают простое несовершенство в радикальное зло. Ибо нет ничего более вредного, чем идеалы, которые ищут совершенства там, где его не может быть.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

“Русская религиозно-философская мысль XX века”

Под этим заглавием вышел в Америке, в Питтсбурге, под редакцией Н. П. Полторацкого сборник статей, посвященных некоторым основным темам русской религиозно-философской мысли XX века. Нам, русским «изгоям», нужно прежде всего горячо поблагодарить Н. П. Полторацкого и его сотрудников за их труд: это, несомненно, ценный вклад в литературу по истории русской духовной культуры. Редактор в своем предисловии говорит, что сборник «не претендует на исчерпывающую полноту». Но почему бы тогда было не снабдить заглавия подзаголовком вроде «Главные течения и основные темы»? При внимательном чтении сборника бросается в глаза также и *качественная* разнородность статей. Наряду с блестящими обзорами и этюдами помещены

статьи, лишь немногим превышающие уровень классных работ или «домашних сочинений» в средне-учебных заведениях дореволюционной России...

Не скрою, что я сознательно начал свой отзыв о сборнике с нескольких «колких» замечаний, чтобы сразу же отделаться от них и остановиться на *общем впечатлении* от — несомненно — ценного научного труда, достоинства которого делают особенно досадными его мелкие погрешности. По словам Н. П. Полторацкого, сборник «предназначается в первую очередь для широкого интеллигентного читателя, но надо надеяться, что и специалист найдет в нем достаточно много для себя интересного». На этой фразе я опять споткнулся. Да простит мне Н. П. Полторацкий, которого я очень высоко

ко и искренне ценю. Но мне сдается, что «широкий читатель» *по-русски* (а Н. П. Полторацкий пишет хорошим русским литературным языком) сказать нельзя. Мы говорим о «широкой натуре» человека, о «широкой общественности». Но «широкий читатель»?.. И таких, с позволения сказать, «ляпсусов» в книге немало: «экстремный мыслитель» куда хуже «широкого читателя». И не думаю, чтобы трудности могли возникать «благодаря» чему-то. Конечно «силы бывают конструирующие и деструктивные». Но разве не лучше сказать то же самое *по-русски*: «бывают силы созидательные и разрушительные»? Я уже не говорю о грамматических ошибках — вроде «день начинался с *евхаристией*», ибо он мог начинаться только с *евхаристии*. Не творительный, а родительный падеж!

Повторяю, все это — мелочи, отнюдь не умаляющие высокой ценности сборника. А всё же: уж если говорить о *духовной культуре России* и о русской религиозно-философской мысли, то *небрежное* отношение к русскому языку более, чем досадно. «Поздравлять за(!)» это будут только враги и недоброжелатели русской культуры...

В Сборнике две части. Первая часть посвящена *путям и проблематике* русской религиозно-философской мысли XX века. Вторую часть составляют краткие очерки об отдельных русских *мыслителях*. Статья Николая Арсеньева «О некоторых основных темах русской религиозной мысли XIX века» — статья глубокая по содержанию — представляет собой своего рода *введение*. Пересказывать ее в краткой рецензии я не берусь. Но, чтобы дать представление о ней, укажу только на три основные темы, определяющие, по мнению Арсеньева, русскую религиозную мысль XIX и XX веков:

1. Преображение твари силой Духа Божия,
2. Духовное преобразование самого мыслящего субъекта,
3. Преображение мира.

Следовательно, сущность Христианства — не внешнее только исповедание, не сухая формула, а *жизнь Духа Божия и причастие к ней* (Хомяков).

О краткой — почти конспективной — статье Джорджа Клайна «Спор о религиозной философии. — Л. Шестов против В. Соловьева» судить не берусь. Противопоставлять Шестова Владимиру Соловьеву возможно, на почве *русской* религиозно-философской мысли, только исходя из основного тезиса Соловьева о *Богочеловечестве* и приняв характеристику философии Льва Шестова, как «апофеоза *беспочвенности*» (Вл. Ильин). Отрадно, однако, отметить, что и «гордый взор иноплеменный» с уважением и вниманием останавливается на рус-

ских религиозных мыслителях.

Блестящ как по содержанию, так и по форме, краткий (к сожалению) этюд В. Вейдле «Русская философия и русский „Серебряный Век“», в котором автор характеризует русскую религиозную философию словами: «Обновление было обновлением смыслов, а все высокие смыслы из религии исходят или к религии ведут... Связь своей философии с религией русские философы, даже не будучи, как некоторые из них, богословами, полностью сознавали». Свой этюд Вейдле заканчивает так: «Революция вернулась; выкорчевали все, чем Россия после освобождения от нее жила. Но с тех пор, как идеология стала фразеологией, да и фразеология поизносилась, все чаще живые души у нас в стране к тому времени доступа ищут, когда она была побеждена — религией, культурой, несводимым к рассудку разумом, — и когда, при всех изъянах, было у нас больше свободы, больше справедливости и больше поэзии, чем теперь».

Статья «Русское богословское зарубежье» прот. Александра Шмемана, без всякого сомнения, выделяется не только выдающейся эрудицией автора, но и своим характером *свидетельства*, что русская богословская мысль продолжала давать и за рубежом, в изгнании, богатые плоды. Единственный упрек, который автору как ученому исследователю можно сделать — это упрек в слишком явном выделении лишь *одного* из направлений русской религиозной мысли и в почти полном игнорировании им *других* течений, которые просто отменяются им как «крайне-консервативные» и «охранительные».

Исключительно интересны обе статьи Николая Зернова («Русское студенческое движение за рубежом» и «Русский религиозный опыт и его влияние на Англию»). Во второй статье Н. Зернов констатирует два знаменательных факта:

1. «Английское Православие родилось под сенью русских эмигрантских приходов».

2. Особенно важную роль играло и играет «Содружество св. Албания и преп. Сергия»: «именно оно собрало в своих рядах экуменически пробужденных русских православных». Благодаря Содружеству богословские колледжи Англии включают в свою программу лекции о Православии, два университета, Оксфордский и Лондонский, создали кафедры для этой же цели.

Вывод, к которому приходит Н. Зернов, говорит сам за себя:

«Запад переживает сейчас глубокий кризис. Многие богословы выражают сомнения в достоверности ряда традиционных верований христиан. Испытания, выпавшие

на долю членов русской церкви, напротив, укрепили их веру в единственность и спасительность Евангельского Благовестия, сохраненного и углубленного вековым опытом церкви. Англикане и православные находят общий язык в сфере молитвы и созерцания. Православное богослужение, оцененное на Западе, вдохновляется догматическим знанием церкви. Возможно, что придет время, когда это будет понято инославными, и они увидят, что русские христиане выдерживают натиск безбожников в Советском Союзе и противостоят безверию и сомнениям, охватившим многих западных христиан, потому что они строят свою церковную жизнь на незыблемых основах апостольской традиции»...

Статья Марты Богачевской-Хомяк «Философия, религия и общественность в России в конце XIX и начале XX века» далеко не исчерпывает опрочной и сложной темы, на которую она написана. Это — очень добросовестно составленная «справка» — не больше. Она посвящена главным образом роли в развитии русской философской мысли Николая Яковлевича Грота, создателя первого русского философского журнала — «Вопросы философии и психологии». Сам Грот в развитии своих философских взглядов отмечает «постепенный переход от реализма к идеализму, от эмпиризма к метафизической точке зрения». Взгляды Грота разделяли молодые русские мыслители: напр., Лопатин и братья Трубецкие. Во всяком случае, «справка» Марты Богачевской-Хомяк — труд не напрасный, хотя, как я уже сказал, не исчерпывающий темы.

Статье Густава А. Веттера, ватиканского специалиста по русской и марксистской философии, автора получившего мировую известность труда «Диалектический материализм», — статье, озаглавленной «Русская религиозная философия и марксизм», следовало бы уделить больше внимания, дать больше места, чем это сделано в сборнике. Тезис Веттера: из четырех основных идей, характерных для русской религиозной мысли, три можно вскрыть и в марксистской философии. Объем моей «рецензии» не позволяет мне изложить точку зрения Веттера подробнее (надеюсь сделать это в другой раз). Боюсь только, что «аналогия» таит в себе подчас «чортово копытце». Недаром считается, что Антихрист внешне будет «похож» на Христа. Тем не менее, пройти мимо заключительных слов Веттера нам, русским христианам, нельзя. Слова эти следующие:

«Можно надеяться, что когда в России опять будут созданы внешние условия для свободного развития и выражения мысли,

русская интеллигенция, сформировавшаяся в атмосфере марксизма, откроет свою, коренящуюся в глубинах души, конгениальность с той мыслью, которая нашла блестящее выражение в русской религиозной философии. А многочисленные документы «Самиздата», по-видимому, подтверждают основательность этой надежды».

Лишь одно замечание: Савл может стать Павлом, но Антихрист стать христианином не может, как и Дьявола окрестить невозможно. «Аналогии» профессора Веттера, с точки зрения русской православной мысли, «хромают»... Но, по-моему, хромают они и с точки зрения католической. Правда, об этом не мне судить.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский в статье «Материализм перед судом бытия и сознания» утверждает, что «одна из самых больших фальсификаций XX века — это отождествление русской философии с материалистическим мировоззрением». Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев и многие другие с достаточной ясностью показывают, что материализм не есть русская философия, но чуждое русской культуре миропонимание. Материализм есть «казенное и принудительное мировоззрение тоталитарного послеоктябрьского государства. Вне этого государства он ничем себя не в силах проявить. Диалектический материализм наших дней не только философски-слаб, но и общественно-труслив»... Естественный способ спасения этого мировоззрения — охрана и принудительное внедрение его всеми силами государства. По мнению архиепископа Иоанна, с которым трудно не согласиться, — у марксистского «диалектического материализма» нет никаких шансов на общественное существование. Владыка Иоанн убедительно показывает на примерах жизненной повседневности, что «человеческий выбор ценностей жизни не зависит от условий экономического бытия»... Но, конечно, статью «Материализм перед судом бытия и сознания» следует прочесть целиком. Она этого заслуживает.

Интересна статья В. Пирожковой: «Русские философы-изгнанники в Германии». Автор доводит свой обзор до наших дней, высказывая даже надежду, что после Солженицына «начинается, может быть, глава новых взаимоотношений между русскими мыслителями и теми, кто старается отстаивать свободу в Германии. Именно в Германии поняли русские голоса особенно хорошо». А то ведь интерес, особенно, к русской религиозно-философской мысли, был уже и в 20-х годах у мыслящих — а не только «философствующих» — немцев, а вот в з а и м о п о н и м а н и е было редким

исключением.

О статьях Адольфа Аснаги («Интерес к русской религиозной философии XX века в Италии») и Жан-Клода Маркадо («Проникновение русской мысли во французскую среду: Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов») мне судить очень трудно: для этого я обе темы знаю лишь поверхностно. Поэтому прочитал и ту и другую статью внимательно и с большим интересом.

Вторая часть сборника («Мыслители») заслуживает того, чтобы не ограничиваться

простым перечислением авторов и мыслителей, о которых они пишут. Нет, о второй части сборника следует поговорить подробнее, что я и сделаю, Бог даст, в следующем номере «Голоса зарубежья».

Но не могу не выразить еще раз Н. П. Полторацкому и его сотрудникам самой искренней благодарности — и не только от своего имени — за ценный подарок, который он сделал русским людям книгой «Русская религиозно-философская мысль XX века».

В. ПИРОЖКОВА

Архипелаг ГУЛаг, т. III, части 5-я, 6-я и 7-я

Поскольку я писала статьи о первых двух томах «Архипелага» А. Солженицына, то надлежит написать и о третьем томе, да и хочется написать, хотя этот том в отличие от первых двух вызывает смешанные чувства.

Третий том, конечно, дополняет страшную эпопею тюрем, лагерей, ссылок, пыток, неслезанных мучений народов России, развернутую с таким неподражаемым мастерством в первых двух томах. Мы узнаем много о спецлагерях и происходивших в них восстаниях, о побегах, об условиях ссылки. Поразительно то, что амнистию 1955—56 гг. в Советском Союзе называли «аденауэровской амнистией», и свидетельство А. Солженицына о том, что приезд в Москву Аденауэра и то, что он вызволил тысячи немцев, повело к амнистированию и ряда русских, работавших у немцев в период оккупации. Здесь говорили об этом, но нам даже трудно было в это поверить.

Очень хорошо, что А. Солженицын сказал хоть несколько слов о современных концлагерях, в частности о том, что у современных зеков разными путями отнимают те 50 или даже 70% вольной зарплаты, которые им якобы платят, так что у зека часто не остается даже 5 рублей на ларек. Есть недавно приехавшие, которые рассказывают, сколько денег теперь у зеков, какие чудесные книги они привозят с собой и выписывают и какие серьезные научные труды там возникают. Этой идеализации современных концлагерей надо противостоять, и А. Солженицын лучше всего может развеять подобные легенды.

Но тут же встает и вопрос: отчего так мало оказано о современных концлагерях? Многие страшные вещи остались неупомнутыми. Не смог Солженицын собрать материала? Возможно. Ведь и так он собрал столько, что это кажется почти что непо-

сильным для одного человека, да еще в таких условиях! Перед ним не были открыты тайные архивы КГБ, где при известном прилежании он смог бы спокойно собрать сколько угодно сведений. Нет, он должен был собирать и систематизировать их из многих, многих отдельных рассказов, координировать даты, и все это тайно, все это в строжайшей конспирации! Не удивительно, что того или иного не узнал, то или иное пропустил.

Но невольно возникает вопрос, не повлиял ли на это слишком краткое (да еще частями напечатанное неизвестно почему пегитом) сообщение о современных концлагерях и тот период, когда А. Солженицын верил, что концлагерей больше нет! (стр. 511-512). Он сам упрекает себя в том, что поверил в полное уничтожение лагерей при Хрущеве, в то, что когда нес в редакцию повесть «Один день Ивана Денисовича», верил в отсутствие лагерей при Хрущеве (а мы-то за рубежом думали, что он все знает, все понимает, но только, конечно, не может напечатать легально в Сов. Союзе). Но Солженицын упрекает в этом сам себя, а потому не нам теперь повторять эти упреки. И все же остается недоумение: как была возможна такая наивность? Впрочем, наивность проявлял Александр Исаевич не один раз. К наивности относится его не нулевая надежда, когда он отсылал по адресу свое «Письмо вождям», его уверенность, что советские войска в 1968 г. не оккупируют Чехословакию, его ожидание во время его последнего пребывания в тюрьме, что его повезут на переговоры в Кремль. О двух последних наивностях А. Солженицын рассказывает в своей книге «Бодался теленок с дубом».

Он сам о них рассказал, мог бы и не рассказывать, а потому не совсем позволительно слишком пользоваться его откровен-

ностью, и все же хочется упомянуть о смутном опасении: не поступил ли писатель с мировой славой в какой-либо другой решающий момент столь же наивно?

Другое дело — утверждение А. Солженицына о Хрущеве: «Когда Хрущев, вытирая слезу, давал разрешение на «Ивана Денисовича», он ведь был твердо уверен, что это — про сталинские лагеря, что у него — таких нет.

И Твардовский, хлопоча о верховной визе, тоже искренне верил, что это — о прошлом, что это — кануло» (стр. 511).

Если Хрущев, прозванный «палачом Украины», проливал слезу при разрешении «Ивана Денисовича», то это была, конечно, крокодилова слеза! И сколько уже легенд создавалось о вождях, не знающих о жестокостях, творившихся при их правлении! И Ленин «не знал», и Сталин «не знал», и Гитлер «не знал». Все это были их коварные помощники, которые «хороших и добрых вождей» обманывали, творили их именем ужасное. Нет, знали они все прекрасно, знали, сами приказывали все эти «великие вожди»! И если еще по-человечески понятно, что Светлана Аллилуева сделала в своей первой книге «Двадцать писем другу» слабую попытку как-то обелить своего отца и свалить самое страшное на Берию, то из-за чего же А. Солженицын старается обелить Хрущева? Ну, Светлана из дочерних чувств, а Солженицын? А легенда, заслоняющая правду, останется, и следующие поколения будут ей верить, потому что создана она «самим» Солженицыным.

Так же неясен и противоречив краткий набросок ситуации в Сов. Союзе при Хрущеве (стр. 528—531). С одной стороны, Солженицын пишет, что в то время в руках Хрущева сошлось очень много возможностей и он мог бы уничтожить Архипелаг совсем. Конечно, если Солженицын некоторое время был уверен, что Архипелаг уничтожен, то он считал это возможным. В самом конце того же абзаца он, однако, признает, что при сохранении режима уничтожение Архипелага невозможно: «Правители меняются, Архипелаг остается.

Он потому остается, что этот государственный режим не мог бы стоять без него. Распустивши Архипелаг, он и сам перестал бы быть» (стр. 531).

Это совершенно правильное утверждение. Но к чему же тут жалобы, что советские вожди занялись Квамио Нкрумой, Ассуанской плотиной и воссоединением арабов вместо того, чтобы задуматься, отчего народ отвергает их «самое правильное учение»?

Но ведь сам Солженицын возражал

А. Сахарову в споре относительно роли идеологии. Не высказывал ли А. Солженицын мнения, что вожди — только рабы этой самой идеологии? Как же он в третьем томе «Архипелага» пишет так, как будто бы эти люди были ее хозяевами, как будто бы, будь Хрущев настойчивее и последовательнее, он смог бы уничтожить Архипелаг? «Удостоенный первой после Сталина силы в нашей истории — уже ослабленной, но еще огромной, — он пользовался ею как тот крыловский Мишка на поляне, перекачивая чурбан без цели и пользы. Дано ему вдвое и впятеро тверже и дальше прочертить освобождение страны — он покинул это как забаву, не понимая своей задачи, покинул для космоса, для кукурузы, для кубинских ракет, берлинских ультиматумов, для преследования церкви, для разделения обкомов, для борьбы с абстракционистами» (стр. 529).

Неужели А. Солженицын всерьез думает, что Хрущеву было дано даже впятеро больше дать стране свободы? Неужели он не понимает, что Хрущев дошел до границы, и что, пойдя он дальше, его свергли бы не в 1964 г., а раньше? Это — не в оправдание Хрущеву. Мы не можем согласиться с тем, что Хрущев был, хотя бы непоследовательным и наивным, но борцом за свободу. Хрущев хотел упрочить свою популярность и невзначай зашел слишком далеко. Но идти дальше он и сам вряд ли собирался. Думается, что он прекрасно понимал, что делал, подписывая утверждение смертной казни и новых режимов в лагерях, или когда он в марте 1963 г. в своей речи говорил, что лагерная литература, хлынувшая после «Ивана Денисовича» широким потоком в редакции журналов и издательства, черпает свои впечатления в уборной.

Но больше всего задевает перечисление Солженицыным хрущевских «игрушек», которыми он отвлек самого себя от главной его цели (якобы) — возвращения стране свободы. Наряду с весьма невинным, может быть, хозяйственно в тот момент ущербным, но по существу не злым и не грешным увлечением кукурузой, А. Солженицын хрущевской «игрушкой» называет преследование церкви. Как мог христианин Солженицын поставить эти две совершенно несовместимые вещи в один ряд? Неужели он не понял, что преследование церкви — это самый глубокий корень мистического зла и одновременно совершенно последовательное и органическое проявление той идеологии, которой Хрущев был всегда верен? Нас всегда удивляло, что слишком многие, расценивая эпоху Хрущева как либеральную,

даже и не упоминают о том, что после первых десятилетий революции именно Хрущев впервые снова особенно яростно преследовал церковь, или если это упоминается, то вскользь, как нечто незначительное, как случайное отклонение от пути свободы. Но как даже Солженицын не понял, что удар по Церкви — это и есть самая острая и последовательная борьба против Свободы, — уму не постижимо. В свете этой борьбы весь хрущевский «либерализм» выглядит совсем иначе.

**
*

Описания побегов производят сильное впечатление и, прежде всего, человечность бежавших заключенных, которые не в силах были поднять руку на невиновных людей, чтобы спасти себя, зная, что их ждет после поимки, какие бесчеловечные избиения, какие новые сроки. Бежавшие красные террористы на Западе не остановятся перед уничтожением любой человеческой жизни, хотя знают, что их после поимки никто не будет бить и они будут водворены в ту же теплую и удобную камеру, полную книг, из которой они бежали.

И все же, несмотря на всю ценность этих описаний побегов, создается впечатление несоблюденных пропорций: с одной стороны такие пространные описания переживаний отдельных беглецов, а с другой одна небольшая глава о крестьянах, и то только об их ссылке и ни слова о страшном голоде, вызванном искусственно, который так потрясаяще описал Василий Гроссман в своей неоконченной книге «Все течет». И снова А. Солженицын признает, что написал о крестьянах слишком мало, и после такого признания критиковать его как будто бы нельзя, но вопрос — почему? — остается. Почему крестьяне даже у Солженицына остаются пасынками? Может быть, потому, что он никогда к ним не был близок? Не проводил в деревне многих месяцев, не разговаривал с ними, не завоевал их доверия, не понял всей глубины их счастья?

Чрезвычайно радостно, что А. Солженицын исправил свое сильно искаженное (в I-м томе) описание Власовского движения и рассказал о других принципиальных борцах против коммунизма во время второй мировой войны. Совершенно ясно, что Солженицын не может полностью проникнуть в психологию этих людей. Этого от него и требовать нельзя, он и так в этом направлении сделал невероятно много. Пусть бы эти люди сами о себе больше писали.

В книге резко бросаются в глаза две противоречивые линии: одна — несомая воодушевлением сопротивления, даже с ору-

жием в руках, «ветерком революции», подымающим дух. Другая же, одновременно проходящая через всю книгу линия — сопротивление злу насильем.

Вот как А. Солженицын пишет о настроениях заключенных в отношении войны:

«Так тошно нам было, что мы не могли подняться выше своей тошноты. Мы не могли так мечтать, так согласиться: пусть мы погибнем, лишь были бы целы все те, кто сейчас из благополучия равнодушно смотрит на нашу гибель. Нет, мы жаждали бури!

Удивятся: что за циничное, что за отчаянное состояние умов? И вы могли не думать о военных бедствиях огромной воли? — Но воля-то нисколько не думала о нас! — Так вы что ж могли хотеть мировой войны? — А давая всем этим людям в 1950 году сроки до середины 70-х — что же им оставили хотеть, кроме мировой войны?

Мне самому сейчас дико вспоминать эти наши тогдашние губительные ложные надежды. Всеобщее ядерное уничтожение ни для кого не выход. Да и без ядерного: всякая военная обстановка лишь служит оправданием для внутренней тирании, усиляет ее. Но искажена будет моя история, если я не скажу правды — что чувствовали мы в то лето» (стр. 50—51).

Ах, Александр Исаевич, сколько десятилетий левые нас здесь, на Западе, пугали ядерным уничтожением и бросали лозунг: «Лучше быть красным, чем мертвым», благо он рифмуется как на английском, так и на немецком языке. Впрочем, они забыли об этом лозунге, когда советское атомное оружие стало перегонять американское. Однако, нетрудно понять: такое оружие употребляется только тогда, когда наверное известно, что противник его не имеет. Сколько между двумя мировыми войнами нас пугали отравляющими газами, но даже Гитлер в последнем отчаянии поражения не применил газов. Он все ждал нового оружия, этой самой атомной бомбы, которую, конечно, применил бы, если б получил раньше, чем разразилась для него полная катастрофа. Может быть, Сов. Союз добьется такого положения, когда сможет одним *первым* ударом уничтожить все западные атомные центры, но все же вряд ли это будет. А в 50-м году? Не надо стараться отговаривать нас от всякого сопротивления, пугая атомным уничтожением, мы уже столько этих угроз слышали, что перестали бояться, так как коммунизм под щитом этой угрозы все продвигается и продвигается...

Но А. Солженицын считает пагубной и

любую конвенциональную войну. Он считает, что только заключенные, все же небольшой процент населения, могут в отчаянии надеяться даже на войну. Борис Пастернак пишет иначе: «И когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы».

Люди не только в твоём положении, на каторге, но все решительно, в тылу и на фронте, вздохнули свободнее, всею грудью, и упоенно, с чувством истинного счастья бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной».¹⁾ Это говорит Дудоров Гордону. Б. Пастернак не извинялся, что он тогда так чувствовал. И я должна добавить, что и я тогда так чувствовала, и тоже за это не извиняюсь. Может быть, А. Солженицын это трудно понять, он тогда был правоверным коммунистом и не ощущал давления «колдовской силы мертвой буквы», но большинство народа ощущало.

Отношение к войне А. Солженицына вообще не совсем ясно. Он прямо и неоднократно говорил и писал о том, что войны желать ни при каких обстоятельствах не следует. Его объяснение, что война только усиливает внутренний террор, не совсем, однако, соответствует историческим фактам: вторая мировая война, напротив, заставила власти пойти на послабление и вернула ряду заключенных свободу, хотя многим только для того, чтобы дать им возможность погибнуть на войне. Однако стойким людям легче погибнуть в битве с оружием в руках, чем жить в концлагерях. Но если б военным противником Сов. Союза был человек, даже не обязательно гуманный, но такой, который понимал бы лучше свои собственные интересы, чем Гитлер, то большевизма в России уже давно не было бы. Можно, конечно, спорить о том, что наступило бы, если б победили русские антикоммунистические силы, но коммунистической диктатуры уже бы не было. Так что война была совсем не безнадежна с самого начала в смысле освобождения России от коммунизма.

Но мы понимаем, что А. Солженицын думает иначе и считает, что войны нельзя даже желать или хотя бы соглашаться на нее в душе, хотя бы ради освобождения от коммунизма. А как насчет оборонительной войны, стал ли А. Солженицын полным толстовцем и абсолютным пацифистом?

Это не вытекает ясно из всех его выступлений, статей и книг.

Точно так же неясно отношение его к применению насилия для самообороны или для обороны слабого. С одной стороны, он восхищается чеченцами и даже их кровавой местью. Солженицын пишет, что когда у русских появился боевой дух, то чеченцы, их прежде презиравшие, стали их уважать. С гордостью говорит А. Солженицын, что заключенные все же боролись, и название одной главы из его книги — «Ветерок революции» — звучит бодро и гордо. Но сейчас А. Солженицын в своих статьях и речах отрицает в с я к у ю революцию, а не только несвоевременную и не имеющую никаких шансов на успех. Отчего изменились его воззрения? Пришел ли он к выводу, что все революции в мире всегда приносили только дурное (что он высказывал), и будет придерживаться этого мнения при всех ситуациях?

А. Солженицын оправдывается в том, что в известный период в лагерях убивали стукачей: «Сейчас, когда я пишу эту главу, ряды гуманных книг нависают надо мной с настенных полок и тускло-посверкивающими неновыми корешками укоризненно мерцают, как звезды сквозь облака: ничего в мире нельзя добиваться насилием! Взявши меч, нож, винтовку — мы быстро сравняемся с нашими палачами и насильниками. И не будет конца...»

Не будет конца... Здесь, за столом, в тепле и в чисте, я с этим вполне согласен» (стр. 246).

Д. Панин пишет об этом же периоде иначе: «Всю жизнь я был против террора в любом виде и всегда был сторонником борьбы с ним. Чекисты осуществляли неослабевающий террор. Его проводниками в среде заключенных были стукачи. Следовательно, они были необходимейшим орудием террора и сами являлись террористами. При таких обстоятельствах уничтожение крупного стукача, убившего нескольких заключенных и подорвавшего здоровье многих, было актом самообороны и защиты от терроризма».²⁾

Слов нет, убивать безоружного, да еще спящего человека, каким бы мерзавцем он ни был, дело страшное. И не у всякого подымется на это рука. Понятно. Но процитированное место у Солженицына звучит обобщающе: никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя подымать меча, ножа, винтовки, а то сравняешься с палачами. Нет, Александр Исаевич, не всегда сравняешься. Или израильские солдаты, подняв-

¹⁾ Б. Пастернак, Доктор Живаго, Милан, 1957, стр. 519.

²⁾ Дмитрий Панин, Записки Сологодина, Франкфурт-на-Майне, 1973, стр. 500.

шие оружие на террористов в Уганде и освободившие больше 100 невинных людей, сравнились с этими самыми террористами? И как же вообще быть с террористами и бомбометателями, если нельзя поднять на них оружие?

Какие бы гуманные книги ни мерцали с полок А. Солженицына, но книги В. Соловьева «Три разговора» среди них наверное не было. Если бы она была, то замерцали бы другие сигналы: защити слабого, защити безвинного от палача и бандита, защити и в том случае, если тебе придется поднять оружие на палача и бандита. Не бойся. Эта классическая книга, «лебединая песнь» великого философа и глубоко верующего христианина, актуальна в наши дни не менее, даже еще более, чем тогда, когда Соловьев ее писал. Нельзя решать этого вопроса так просто, односторонне и удобно: не подымай ни против кого оружия, сдавайся, терпи и оставайся рабом. И не будет этому конца...

Ни одна христианская церковь никогда не осудила войны как таковой. Правда, за это и льются на христианство обвинения от всех разношерстных левых. Но стоит ли их слушать? Они прикидываются пацифистами до тех пор, пока не наступит удобный момент захватить власть с... помощью оружия и удерживать ее с помощью террора. В христианстве существуют только небольшие секты, которые принципиально отвергают всякую борьбу с оружием в руках и часто героически идут на арест или даже расстрел, отказываясь от военной службы. Не везде дело обстоит так, как в Западной Германии, где каждый призывной может отказаться от службы в армии, заявив, что это противоречит его совести. Мы должны с уважением относиться к убеждениям и, зачастую, мужеству членов этих сект, но это не значит, что мы должны перенимать эти убеждения.

И в самом Евангелии, книге антиномичной, нельзя найти ясного ответа на этот вопрос. Выхватить одно место и игнорировать все остальное, как сделал Толстой, — это не решение вопроса. Иисус Христос не сказал римскому сотнику, вера которого по свидетельству Самого Христа превосходила таковую в Израиле, чтобы он ушел из армии, перестал быть офицером. Это только одно из мест. И грозно звучит: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Матф. 10, 34). Надо всю жизнь углубляться в Священное Писание, чтобы не логикой, а самой жизнью разрешить кажущиеся противоречия Писания, нельзя впадать ни в какую односторонность.

Льву Толстому на его учение о непротавлении злу насилем дал классический

ответ Владимир Соловьев — к нему я и отсылаю читателя. Я не могу ответить лучше, я могу только повторить его аргументы. А если нужен более современный русский мыслитель, то пусть читатель обратится к И. А. Ильину. Мы же позволим себе цитировать один его абзац: «Придавая себе соблазнительную видимость единственно-верного истолкования Христова откровения, это учение (Льва Толстого. — В. П.) долгое время внушало и незаметно внушило слишком многим, что любовь есть гумманная жалостливость; что любовь исключает меч; что всякое сопротивление злодею силою есть озлобленное и преступное насилие; что любит не тот, кто борется, а тот, кто бежит от борьбы; что жизненное и патристическое дезертирство есть проявление святости; что можно и должно предавать дело Божие ради собственной моральной праведности...»³⁾

Ведь приветствовал же и А. Солженицын восстание в Кенгире и даже (кажется) попытки заключенных защищаться с оружием в руках. Хотя и в главе о героическом Кенгире натыкаешься на места, которые приводят в полное недоумение. А. Солженицын описывает, как некто Кузнецов (относительно которого он сам потом вскользь высказывает предположение, что он был провокатором) уговаривал восставших не допускать «никакой антисоветчины». Солженицын пишет дальше: «Это подобно тому, как если бы поезд вез вас не в ту сторону, куда вы хотите, и вы решили бы соскочить с него — вам пришлось бы соскакивать по ходу, а не против».

«Да здравствует Советская Конституция!»

«Да здравствует Президиум ЦК!»

«Да здравствует советская власть!»

«Требуем приезда члена ЦК и пересмотра наших дел!»

«Долой убийц-берицевцев!»

«Жены офицеров Степлага! Вам не стыдно быть женами убийц?»

Хотя большинству кенгирцев было отлично ясно, что все миллионные расправы, далекие и близкие, произошли под болотным солнцем этой конституции и утверждены этим составом Политбюро, им ничего не оставалось, как писать — да здравствует эта конституция и это Политбюро. И теперь, перечитывая лозунги, мятежные арестанты нащупали законную твердость под ногами и стали успокаиваться: движение их — не безнадежно» (стр. 319).

³⁾ Цитируется по книге: Н. Н. Полторацкий, И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой, Лондон, 1975, стр. 7.

В этом высказывании остается неясность (сознательная или по небрежности?). Понятно, что оказавшиеся в безнадежном положении повстанцы Кенгира, чтоб не потерять последнюю надежду, без которой человек не может жить, стали искать успешной тактики и внушать себе, что положение их не безнадежно. Но ведь на самом деле их положение было безнадежно, и никакое пресмыкательство перед сталинской конституцией и ЦК их не спасло. Тогда автор сам мог поддаться иллюзии, что положение не безнадежно, но теперь-то он знает, что оно было безнадежно. Отчего же он пишет так, как будто примененная тактика не только казалась, но и была правильной? Он даже разъясняет нам, что человек, желавший прыгнуть с движущегося поезда, должен прыгать по его ходу, а не против хода. Но уже не говоря о том, что сравнения человеческой жизни и общества с законами природы и техники более чем сомнительны, это сравнение совсем неверное. Куда хотели прыгнуть восставшие? Может быть, многие и хотели бы выпрыгнуть за границу из советского государственного поезда, но для них это было совершенно невозможно. Они никуда не хотели прыгивать, они хотели облегчить свое положение.

Если перевести это сравнение на весь народ, то в нем еще меньше смысла. Что означает «прыгивание с поезда», поголовная эмиграция? Нет, народ хочет не выпрыгнуть из государственного поезда, а поставить его на другие рельсы. А для этого последнего совсем не надо бежать по ходу поезда.

Нас поразило это место особенно потому, что в Сов. Союзе есть много оппонентов, которые хотят бежать вдоль поезда и преобразовать советский строй его же собственной конституцией! Пока эти люди находятся в Сов. Союзе, то понимаешь их трагическое положение и даже веришь, что ссылкой на некоторые неисполняющиеся параграфы конституции они хоть чуточку облегчат положение хотя бы себе самим. Но когда такая же тактика начинает применяться выехавшими за границу, когда они, подобно кенгирскому Кузнецову, начинают кричать: «Никакой антисоветчины!» — как, например, Шрагин, Балашев, Григоренко, Фейнберг и Квачевский на Международном сахаровском слушании в Копенгагене в октябре 1975 г., тогда эта тактика становится весьма опасной. Для Запада это большой соблазн.

Но вернемся к Кенгиру. Что произошло после того, как повстанцы повесили свои просоветские лозунги? — Их давили тан-

ками, расстреливали на месте, давали новые сроки.

Что произошло бы, если б они решились эти несколько недель «жить не по лжи» и повесили бы смелые и правдивые лозунги? — Их бы давили танками, расстреливали, давали новые сроки.

Так какая же разница? И куда им удалось прыгнуть?

Еще раз: повстанцы тогда могли закрыть глаза на безнадежность своего положения, это слишком понятно, могли верить, что подхалимскими лозунгами спасут себя, — кто решает их за это осудить? Но автор-то знает, чем кончилось дело. Почему же его рассказ звучит так, как будто эти лозунги и в самом деле давали шанс на успех?

А затем идет место, читать которое очень больно: это сентиментальное место о розовом-розовом политбюровском небе. «И вдруг — посрамлены были скептики! Посрамлены были отчаявшиеся! Посрамлены были все, говорившие, что не будет пощады и не о чем просить. Только ортодоксы могли торжествовать. 22 июня внешнее радио объявило: требования лагерников приняты! В Кенгир едет член Президиума ЦК!

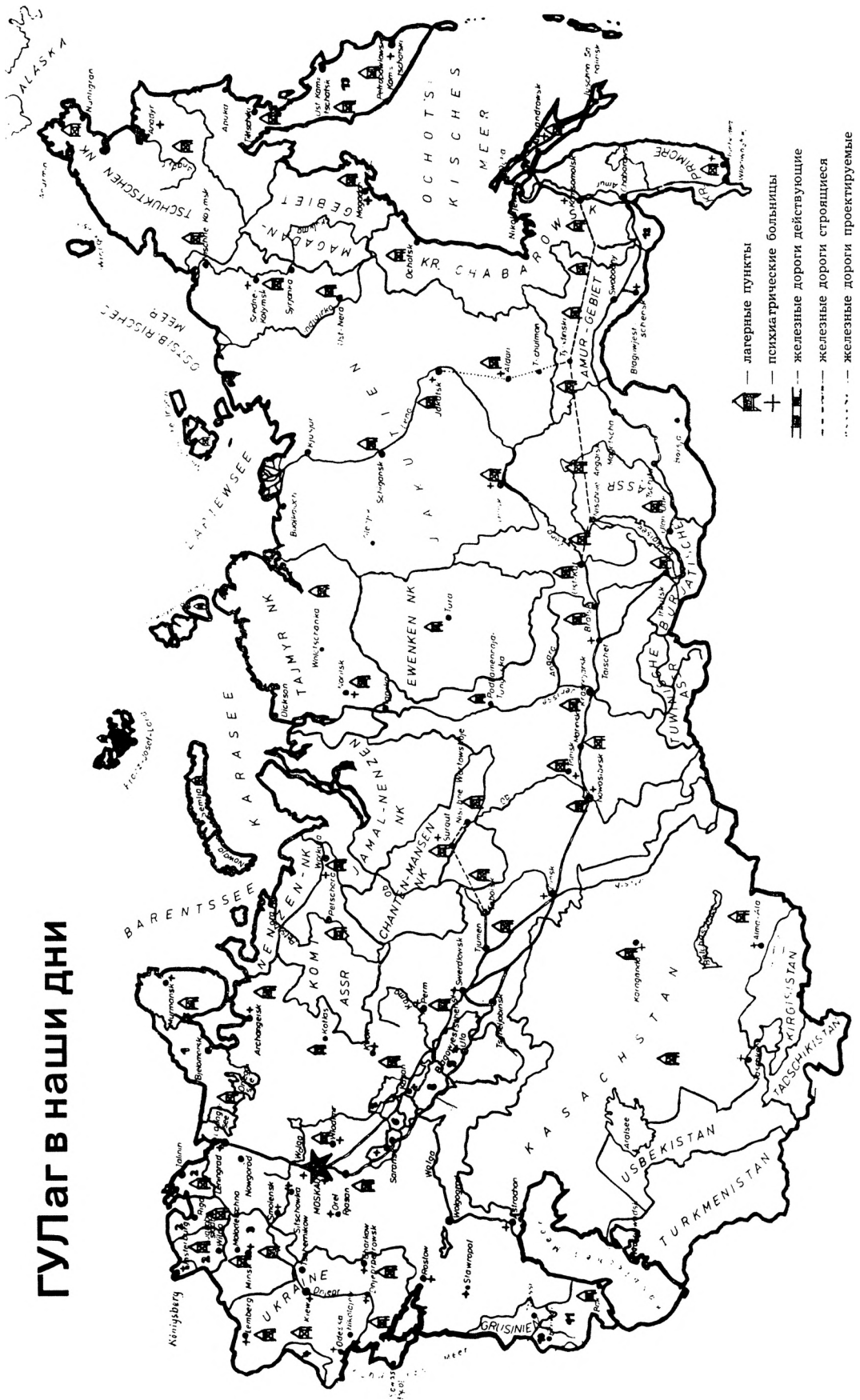
Розовая точка обратилась в розовое солнце, в розовое небо! Значит, можно добиться! Значит, есть справедливость в нашей стране!» (стр. 343).

Отчего так больно читать эти строки? Мы же согласились с тем, что без надежды человек не может жить, что эту психологию можно понять. И не иронически ли повествует все это Солженицын, ведь показывает же он, во что, в какой ужас обратились эти розовые надежды! Все это так, и все же хочется спросить: неужели они были именно в таком виде? Именно в виде розового политбюровского неба? Именно в этой лживо-сентиментальной окраске? Ну, может быть, у некоторых. Но неужели у всех была такая рабская психология? Неужели не было надежд суровых, надежд не на справедливость Политбюро, а только на то, что из какого-либо расчета это Политбюро уступит, если уж вообще надеялись на уступки, надежд трезвых, а не розово-кисельных?

Но, опять-таки, может быть, это только иронический прием, чтобы показать контраст между сентиментальными надеждами и жестокой действительностью. Может быть. Но мы отвергаем этот прием как оскорбляющий тех, кто не тонул в розовом упоении от приезда члена Политбюро.

Не стоит повторять того, что было уже сказано в начале: Солженицын остается Солженицыным, и в III томе много мощных

ГУЛАГ в наши дни

и незабываемых картин, горькой иронии и едкого юмора, много данных об отдельных человеческих судьбах и судьбах целых народов. И все же третий том слабее двух первых.

Это было бы не так страшно: вероятно, невозможно выдержать напряжения тако-

го огромного труда на одном уровне. Но в третьем томе есть занозы, которые остаются в душе читателя и которых в первых двух томах не было.

И по прочтении книги остается знак вопроса, которого не было по окончании чтения двух первых томов.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ВСЦ

Генеральному Секретарю
Всемирного Совета Церквей
Филипу ПОТТЕРУ

Члены Русской
Православной Церкви
священник Глеб ЯКУНИН
Лев РЕГЕЛЬСОН

Дорогой г-н Поттер!

Как и многие христиане в нашей стране, мы искренне благодарны Вам за Ваши личные усилия, которыми в немалой степени обусловлены выдающиеся духовные достижения Ассамблеи в Найроби.

Глубокий и сердечный отклик, который вызвал среди делегатов призыв к духовному противостоянию современному антигуманизму и, в частности, всем проявлениям религиозной дискриминации, привел к усилению христианского влияния, к значительному возрастанию авторитета Всемирного Совета Церквей во всем мире и в особенности в нашей стране.

Мы выражаем глубокую признательность всем участникам Ассамблеи, принявшим искреннее и деятельное участие в судьбе исповедников и мучеников, жертв антигуманизма.

Да услышат все те, чье сердце живой болью отозвалось на страдания своих братьев, обращенные к ним слова Иисуса Христа: «В темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 36)!

Но Ассамблея в Найроби явилась не только ареной свидетельства любви, мужества и сострадания со стороны христиан различных вероисповеданий; она явилась также ареной полемики и спора между христианами. Глубоко знаменательным представляется тот факт, что, вероятно, впервые в истории экуменизма разделение спорящих сторон затронуло те первоосновы нашей веры и нашего упования, которые лежат глубже конфессиональных или политических различий.

Происшедшее духовное разделение побуждает каждого из нас заглянуть в глубину своего сердца и без лукавства ответить на вопрос: действительно ли мы верим в конечную победу нашего Господа

над силами мирового зла? Отдаем ли мы себе отчет в том, какая сила любви необходима, чтобы сохранить эту веру и тогда, когда Он несет свой Крест на Голгофу, униженный и поруганный людьми?

Не удивительно, что, видя внешнее бессилие христианства перед лицом воинственного и наступающего духа насилия и лжи, многие христиане уже теперь говорят: «Кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?» (Откр. 13, 4).

Участники Ассамблеи в Найроби видели и слышали тех, которые уговаривали их не бороться со злом, не раздражать могущественного «зверя», дабы не ухудшить участь его беззащитных жертв.

Безусловно, мы, христиане, сохраняя полную ясность нравственного сознания, должны в нашей духовной борьбе проявлять также и мудрость, осторожность и дальновидность. «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков, — сказал нам Христос: итак, будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16).

Но те, кто постоянно призывает к малодушию, кто становится послушным орудием сил зла, те могут давать лишь лукавые советы, заранее обрекающие на поражение дело Христово на земле.

Они не помогают жертвам насилия, напротив, — всегда покрывая злоупотребления, они провоцируют насильников на новые жестокости, обрекают невинных страдальцев на глубокое моральное одиночество, убивают духовный смысл подвига исповедников и мучеников, порождают гибельную инфляцию нравственных ценностей.

Христиане, которые не находят в себе духовных сил на исповедничество, не верят в возможность открытого противостояния, могут своим молчанием свидетельствовать о своей верности Христу, о своем внутреннем сопротивлении духу лжи.

Но те, кто сам проявляет инициативу в поисках духовного союза с непримиримыми врагами Церкви, кто возлагает свои надежды не на Христа, а на сильных мира сего, кто сам становится проводником антихристианских влияний, те пусть вспом-

нят обращенные к ним обличающие слова пророка: «Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху».

«Не вопрошив уст Моих, идут в Египет, чтобы подкрепить себя силою фараона и укрыться под тенью Египта. Но сила фараона будет для вас стыдом, и убежище под тенью Египта — бесчестьем... не будет от него ни помощи, ни пользы, но стыд и срам.

... Потому Я сказал им: сила их — сидеть спокойно» (Ис. 30, 1-7).

Если христиане своей малодушной уступчивостью, духовной растерянностью, нравственной беспринципностью будут, поддаваясь лукавым уговорам, питать силы антигуманизма, то можно не сомневаться в том, что мир действительно ожидает трагическая судьба, предсказанная в Священном Писании — оказаться под властью торжествующего зла.

Если христиане не найдут в себе сил противостоять экспансии лжи, противостоять порче и духовному гниению мира, то кто найдет в себе эти силы?

«Вы соль земли. — сказал нам Христос. — Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему не пригодна, кроме как разве выбросить ее вон на погребение людям» (Мф. 5, 13).

Если мы, проповедуя грядущее воцарение Иисуса Христа (Откр. 11, 15), сами будем проявлять духовное малодушие перед «зверьями земными» (Откр. 6, 8), то не будет ли из-за нас «имя Божие хулиться у язычников» (Римл. 2, 24), тогда как мы призваны прославить его?

Дорогой г-н Поттер!

Обращаясь к тому проявлению антигуманизма, которое вызвало наибольшее возмущение христианских делегатов в Найроби — к вопросу о бесправном положении религии в ряде стран мира, в том числе в Советском Союзе, мы просим Вас обратить самое пристальное внимание на те идеологические акции, которыми ответили на это возмущение ответственные деятели советского государства.

В своих согласованных публичных заявлениях эти официальные деятели¹⁾ высказали следующие основные утверждения:

¹⁾ Интервью зам. министра юстиции СССР А. Сухарева, журнал «Новое время», 4. 1. 76; интервью Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедова, газета «Известия», 30. 1. 76; редакционная статья газеты «Правда» от 20. 2. 76.

1. В Советском Союзе действительно бывают случаи неправильного отношения местных органов власти к религиозным обществам и отдельным верующим; государство систематически борется с подобными нарушениями.

2. Советское законодательство о религии, отражающее общее направление государственной политики в этой области, не только удовлетворяет всем общечеловеческим нормам, но и является «самым гуманным и демократическим в мире».

3. Общее благополучие в области свободы религии подтверждается личными свидетельствами церковных руководителей,²⁾ а также личными впечатлениями гостей из-за рубежа.

4. В Советском Союзе нет лиц, страдающих за свою религиозную деятельность, но лишь отдельные уголовные преступники, осужденные за нарушение закона об отделении Церкви от государства. Лица, свидетельствующие о притеснениях религии в СССР, клеветают на советское государство, зачастую из эгоистических и корыстных целей.³⁾

Безусловно, эти заявления имеют целью приостановить широкое международное движение в защиту прав человека, в частности, в аспекте религиозной свободы, в странах, подписавших соглашение в Хельсинки.

Эти акции призваны также затруднить деятельность Подкомитета Всемирного Совета Церквей, организованного по решению Ассамблеи в Найроби для расследования

²⁾ Например, заявление митр. Ювеналия в Найроби; интервью Патриарха Пимена агентству АПН и др.

³⁾ Мы не считаем нужным отвечать на подобные обвинения, обращенные, в частности, и в наш адрес.

Необходимо лишь привести пояснения по поводу утверждения митр. Ювеналия в Найроби о якобы имевшей место антиэкumenической деятельности одного из нас. В 1972 г. в обращении к Поместному Собору св. Н. Гайнов и миряне Ф. Карелин, Л. Ргельсон и В. Капитанчук подвергли критике богословское учение митр. Никодима и его школы (о. Г. Якунин также участвовал в работе над обращением, но не подписал его из канонических соображений как запрещенный священник). В обращении не утверждалось, что «экumenизм представляет некоторую опасность для православия в богословском плане», как заявил митр. Ювеналий, но, напротив, выразилось опасение, что модернистское богословие митр. Никодима, выдаваемое им за традиционно-православное, представляет опасность для экumenизма. Деятельность ВСЦ в этом обращении вообще не затрагивалась, критике подвергались лишь некоторые аспекты деятельности ХМК. Вызывает удивление, что митр. Никодим, хорошо знакомый с этим обращением, не счит нужным внести поправки в заявление митр. Ювеналия.

положения религии и верующих в этих странах.

Принципиальная готовность советских государственных деятелей признать отдельные факты религиозной дискриминации, интерпретируя их как злоупотребление местных властей, может ввести в заблуждение мировую общественность и членов подкомитета ВСЦ, заранее снимая формальную возможность обвинения советского государства в антирелигиозной политике, на основании отдельных, хотя бы и вопиющих, инцидентов. Такой дезинформации в высшей степени способствуют также успокоительные заявления церковных руководителей.

В связи с этим мы вносим предложение, чтобы подкомитет ВСЦ в основу рассмотрения положения религии в нашей стране положил анализ советского законодательства о религии; мы полагаем, что лишь в свете этого анализа может быть дана объективная интерпретация тех фактов религиозной дискриминации, сведения о которых удастся собрать подкомитету.

Заново и тщательно отредактированное в 1975 году, накануне Совещания в Хельсинки, законодательство о религии служит, вопреки всем заявлениям и лжесвидетельствам, убедительным, объективным и общедоступным доказательством наличия в СССР религиозной дискриминации, санкционированной государством.

Мы в данном обращении не ставим своей задачей рассмотрение советского законодательства о религии во всех его деталях, — но лишь хотим привлечь внимание к основным принципам этого законодательства, определяющим его дискриминационный характер.

Таких основных принципов мы усматриваем четыре:

1. Внеправовая регистрация религиозных обществ как санкционирующий акт.
2. Лишение религиозных обществ права собственности на молитвенные здания и основные предметы культа.
3. Запрещение миссионерской и культурно-социальной деятельности религиозных обществ.
4. Дискриминационный характер системы образования; запрещение организованных форм частного религиозного образования и воспитания.

Рассмотрим эти принципы последовательно.

1. *Внеправовая регистрация религиозных обществ как санкционирующий акт.*

Статья 1-я ныне действующего Постановления о религиозных объединениях

1929 г. с поправками, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 23 июня 1975 г.,⁴⁾ провозглашает:

«Религиозное общество или группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после принятия решения о регистрации общества или группы верующих Советом по делам религий при Совете Министров СССР».

Статья 7-я того же Постановления подчеркивает произвольный характер разрешения или отказа в регистрации:

«Совет по делам религий при Совете Министров СССР после рассмотрения материалов о регистрации общества или группы верующих принимает решение о регистрации или об отказе в регистрации религиозного общества или группы верующих и сообщает им об этом».

Статья 12-я Постановления вводит важное ограничение, отнимающее свободу внутренней жизни у зарегистрированных обществ:

«Общие собрания религиозных обществ и групп верующих (кроме молитвенных) происходят с разрешения исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся».

Статья 14-я обеспечивает полный контроль местных органов власти и Совета по делам религий над составом руководства религиозных обществ и тем самым лишает религиозные общества какой бы то ни было свободы действий:

«Регистрирующим органам предоставляется право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц».

Статья 42-я предусматривает чисто административную, внесудебную процедуру закрытия религиозного общества:

«Религиозные объединения могут быть сняты с регистрации в случае нарушения ими законодательства о культурах».

Снятие с регистрации религиозных объединений производится по решению Совета по делам религий при Совете Министров СССР по представлению Совета Министров автономной республики, исполнительного комитета краевого, областного, городского (городов Москвы и Ленинграда) Совета депутатов трудящихся».

За этими формулировками кроется основная порок советского законодательства о религии: регистрация понимается не как фиксирующий, но как *санкционирующий* акт, т. е. не как простая констатация факта существования религиозного общества,

⁴⁾ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1975, № 27, ст. 572; см. также «О религиозных объединениях», изд. Хроника, Нью-Йорк, 1975.

но как *разрешение* на его существование.

Иными словами, законодательство не только не гарантирует свободы существования и возникновения религиозных обществ, но фактически объявляет их вне закона. Действительно, религиозное общество не может существовать само по себе, по воле своих членов и *на основании закона*: само по себе до и помимо регистрации оно оказывается *под запретом*, и лишь административная санкция органов власти может в каждом индивидуальном случае этот запрет снимать.

Для пояснения ситуации представим себе, что, решив собрать у себя на квартире своих друзей на какой-нибудь праздник или просто для совместного проведения свободного времени, мы под страхом уголовного преследования не имели бы права этого сделать, не добившись разрешения особого правительственного органа!

Этот пример в точности соответствует реальной ситуации, так как законом предусматривается также регистрация «религиозных групп» численностью менее 30 человек, собирающихся в личных домах и квартирах верующих, причем для такого собрания в личных квартирах и домах *каждый раз* требуется особое разрешение.

Об этом гласит ст. 57-я Постановления: «В помещениях, специально не приспособленных, молитвенные собрания верующих происходят с уведомления» местных органов власти.

И лишь «в зданиях религиозного культа или в специально приспособленных помещениях... молитвенные собрания верующих, объединенных в группы или общества, происходят без уведомления или разрешения органов власти».⁵⁾

Указ 1975 года ввел новое, по сравнению с законодательством 1929 года, серьезное ограничение свободы религиозных культов, запретив совершение каких бы то ни было религиозных обрядов (даже если в них участвуют 2—3 человека!) *под открытым небом и в личных квартирах* без особого разрешения местных органов власти, как гласит ст. 50-я:

«... Совершение религиозных обрядов... под открытым небом, а также в квартирах

⁵⁾ Опушенные нами слова «удовлетворяющих строительного-техническим и санитарным условиям» имеют одной из целей отвлечь внимание некомпетентного читателя от реального содержания статьи, запрещающей, по существу, всякие неконтролируемые собрания верующих. Что можно было бы сказать о законодательстве, которое разрешало бы гражданам отмечать свой день рождения без особого *каждый раз* разрешения лишь в «специально-приспособленных помещениях, удовлетворяющих строительного-техническим и санитарным условиям»?

и домах верующих допускается с особым *каждый раз* разрешения исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся».

Возможно, именно это «новшество» имеет в виду В. А. Куроедов, когда говорит в связи с Указом 1975 г., что «советское законодательство, гарантирующее осуществление свободы совести, продолжает развиваться и совершенствоваться» («Известия», 30. 1. 1976).

Теперь верующие не могут пригласить священника для крещения ребенка, освящения дома или просто совершить богослужение на лесной поляне — без разрешения райисполкома!

Преступлением оказывается также «самовольное» приглашение священника к больному или престарелому верующему, если только не удастся доказать, что он является «тяжелым больным или умирающим» (ст. 59-я)!

Принцип санкционирующей регистрации всегда был орудием религиозной дискриминации.

Еще до Февральской революции 1917 г. в Русской Государственной Думе подвергался резкой критике принцип, по которому вновь возникшие неправославные религиозные общины имели право открывать свои собрания лишь после особого разрешения властей. Сторонники этого принципа и не скрывали факта религиозной дискриминации, так как Православие было тогда официально признано главной религией государства, пользующейся рядом привилегий. Противники же принципа регистрации, в том числе православные, указывали, что этот принцип фактически лишает силы закон о свободе совести.

Принцип санкционирующей регистрации был восстановлен в советском государстве уже Инструкцией НКЮ от 24 августа 1918 г., а затем уточнен и детализирован рядом постановлений 1922—23 гг.⁶⁾ Поскольку господствующим мировоззрением государства стал атеизм, то внеправовой принцип санкционирующей регистрации распространился теперь на все религиозные общества.

Введение принципа регистрации лишило религиозные общества какой бы то ни было правовой защиты от административного произвола государственных органов, отношение которых к проблеме религии, точнее, борьбы с религией, определялось исключительно политической конъюнктурой.

Так, в 1922—23 гг. было предпринято ре-

⁶⁾ Церковь и государство, сборник узаконенный..., ч. 1, Гибулянов, 1923, ч. 2, Фиолетов, 1924.

шительное гонение на религию, в особенности на Православную Церковь, из числа членов которой несколько тысяч человек были за короткое время расстреляны по спровоцированному «делу о церковных ценностях». Возникший в это время обновленческий раскол, поощряемый государством, поддерживался в основном с помощью принципа регистрации: православные «тихоновские» общины не получали регистрации и, как следствие этого, теряли право пользоваться храмами. На протяжении ряда лет православные общины существовали как нарушители закона, игнорируя требование регистрации и подвергаясь за это всевозможным карам.

Снятие религиозных обществ с регистрации было одним из орудий их уничтожения в период «сталинского гонения» 30-х годов, а затем «хрущевского гонения» 1959—64 гг.

Указ 1975 года ввел изменение в закон о регистрации, ухудшающее реальное положение религиозных обществ, предоставив исключительное право регистрации Совету по делам религий, тогда как раньше это право принадлежало местным органам власти. Хотя антирелигиозные акции и прежде проводились централизованным порядком, однако верующие имеют все же некоторые возможности психологического воздействия (правовых методов, как мы видели, закон не предусматривает) на местные органы власти, но абсолютно беззащитны перед Советом по делам религий.⁷⁾

В настоящее время главными жертвами антирелигиозного закона о регистрации являются баптисты — «инициативники», принципиально игнорирующие требование регистрации как противоречащее конституционным правам свободы совести и свободы культов.

Игнорирование ими дискриминационного требования регистрации дает постоянную возможность возбуждать против них судебные преследования по обвинению в нарушении «закона об отделении церкви от государства» (УК РСФСР, ст. 142).

Глава зарегистрированных евангельских христиан-баптистов в СССР в своем выступлении на Ассамблее в Найроби подтвердил, что урегулирование отношений с «инициативниками» в основном связано с проблемой регистрации. Возникновение раскола из-за отказа от регистрации лишний раз подчеркивает важность этой проблемы для религиозной жизни в СССР.

⁷⁾ Бесправие верующих убедительно иллюстрируется историей бесплодных попыток жителей г. Наро-Фоминска добиться регистрации религиозного общества. См. книгу В. Чалидзе, Права человека и Советский Союз, Хроника, Нью-Йорк, 1974, стр. 218—247.

Закон о санкционирующей регистрации практически отменяет ст. 125-ю Конституции СССР, в которой утверждается, что гражданам СССР «гарантируется законом свобода собраний»; делает недействительной ст. 124-ю той же Конституции, в которой провозглашается, что «в целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделяется от государства»; является нарушением ст. 20-й Всеобщей Декларации Прав Человека, которая гласит:

«Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций».

Вся религиозная жизнь в нашей стране приняла бы другой характер, если бы религиозные общества возникали и существовали сами собой, без всякой регистрации, в силу принципов свободы собраний и свободы культов, если бы закрыты религиозное общество можно было только по постановлению суда, по доказанному обвинению в каком-либо действительном преступлении.

Пока эта реформа не будет произведена, можно с полным основанием утверждать, что советское законодательство о религии имеет отчетливо выраженный *дискриминационный, антирелигиозный характер*.

II. Лишение религиозных обществ права собственности на молитвенные здания и культовое имущество.

Этот принцип провозглашается уже в Декрете об отделении церкви от государства 1918 г., п. 12-й которого гласит:

«Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют».

Дискриминационный характер этого положения подчеркивается в Инструкции НКЮ и НКВД 1923 г. § 3:

«Религиозные общества хотя и приравниваются к частным обществам, но, в отличие от последних, не имеют права собственности и прав юридического лица».

Статья 25-я Постановления 1929 г., подтвержденная Указом 1975 г., следующим образом развивает этот принцип:

«Имущество, необходимое для отправления культа, как переданное по договорам верующим, составившим религиозное общество, так и вновь приобретенное или пожертвованное им для нужд культа, является национализированным и находится на учете в исполнительном комитете районного, городского Совета депутатов трудящихся».

Согласно постановлению, молитвенные здания и культовое имущество передаются

в пользование религиозным обществам на условиях договора с местными органами власти. Договор этот может быть в любой момент произвольным образом и односторонне расторгнут, например, по статье 36-й цитируемого Постановления:

«Передача здания культа, находящегося в пользовании верующих, для других надобностей (закрытие молитвенного здания) допускается . . .⁸⁾ если это здание необходимо для государственных или общественных надобностей. О таком решении сообщается верующим, составляющим религиозное общество».

Согласно законодательству, договор может быть таким же административным, внесудебным порядком расторгнут, если Ссвет по делам религий усмотрел со стороны религиозного общества несоблюдение договора (ст. 44), а также в силу не подлежащего обжалованию решения технической комиссии о сносе молитвенного здания (ст. 46—52).

Религиозные общества лишены возможности судебной защиты, так как они не носят права юридического лица.

Лишение верующих права собственности на молитвенные здания является коренным ограничением свободы религиозных культов и служит важнейшим средством осуществления антирелигиозной политики.

Дискриминационный характер этого ограничения особенно ясен из того факта, что другие объединения граждан СССР пользуются правом юридического лица и правом собственности, например, кооперативной собственности на крупные жилые здания.

Те религиозные культы, которые традиционно связаны с храмовыми богослужениями, попадают, благодаря лишению прав собственности на храмы, в полную зависимость от произвола государственной администрации.

Так, в период «хрущевского гонения» (1956—64 гг.) существующее законодательство позволило в административном порядке в короткий срок закрыть около 10 000 православных храмов.⁹⁾

Храмы эти закрыты и поныне; остаются закрытыми также монастыри, академии и семинарии, ликвидированные при Хрущеве.

Поскольку законодательство, столь ус-

⁸⁾ Опущенные нами слова: «исключительно по решению Совета по делам религий . . .» и т. д., имеют целью создать ложное впечатление, что Совет по делам религий ограждает религиозные общества от произвола местных властей. Как мы уже указывали, основные антирелигиозные акции исходят именно от Совета по делам религий.

⁹⁾ См., например, Открытое письмо Патриарху Алексию о.о. Николая Эшлимана и Г. Якунина, 1965.

пешно использованное для разгрома религии, в основных чертах подтверждено Указом 1975 г., не свидетельствует ли это о том, что государственная власть стремится сохранить в своих руках возможность повторения подобного массового закрытия храмов и религиозных обществ, когда это будет признано «целесообразным» и сложится подходящая для этого ситуация?

Если бы советские законодательные органы рассматривали последнее массовое гонение как «инцидент», не соответствующий общей установке государственной политики в отношении религии, то они внесли бы в законодательство о религии такие изменения, которые сделали бы невозможным или максимально затруднили повторение подобного «инцидента», а также вернули бы верующим все то, что было у них отнято во время последнего гонения.

Необходимым свидетельством отказа советского государства от дискриминации религии может стать, в частности, лишь разработка закона о кооперативной собственности религиозных обществ на храмовые здания — закона, ограждающего реальную свободу культа от произвола местных и центральных государственных органов.

Особую остроту имеет вопрос о культовом имуществе.

Статья 40-я действующего Постановления гласит:

«При закрытии молитвенного здания культовое имущество распределяется следующим образом:

а) все предметы из платины, золота, серебра и парчи, а также драгоценные камни подлежат зачислению в государственный фонд . . .

б) все предметы исторической, художественной, музейной ценности передаются органам Министерства культуры РСФСР;

г) предметы обиходные (колокола, мебель, ковры, люстры и т. п.) подлежат зачислению в государственный фонд . . .».

И лишь малоценные предметы культа передаются верующим для переноса в другие молитвенные здания (по известной поговорке: «на тебе, небоже, что мне негоже!»).

Переходящее имущество (деньги, ладан, свечи, масло и т. д.) передается религиозному обществу, если оно сохраняется после закрытия храма (ст. 40-д). Практически и это положение остается на бумаге, так как религиозное общество почти во всех случаях ликвидируется (снимается с регистрации) одновременно с закрытием храма.

Таким образом, провозглашенное Декретом 1918 года отделение церкви от государства можно описать как «разделение с разведением». Поскольку храмовое имущество

составлено из добровольных приношений верующих, присвоение государством этого имущества есть грубое нарушение воли жертводателей, вовсе не имевших своей целью обогащение государственных или музейных фондов.

Особая острота вопроса о культовом имуществе для таких христианских конфессий, как православие, католичество, старообрядчество, — состоит в том, что церковные каноны (Ап. 72, 73; Двукр. 10) и глубоко укоренившаяся традиция запрещает изъятие церковной собственности («всего, принесенного Богу») и даже употребление священных предметов (в особенности таких, как священные сосуды) для утилитарных целей. Нарушение этого запрета каноны квалифицируют как «святотатство».

Законодательно санкционированное святотатство ставит верующих в безвыходное положение, так как религиозный долг обязывает их препятствовать этому преступлению против веры всеми доступными средствами, даже ценой собственной жизни.

В такое положение были поставлены верующие, например, в 1922—23 гг., когда советское правительство, отвергнув все компромиссные решения, произвело грубо насильственное, кощунственное изъятие предметов церковного культа («церковных ценностей»), провоцируя верующих на кровавые столкновения и создавая повод для массовых репрессий.

Узаконив эту кощунственную практику, создатели современного советского права поставили десятки миллионов верующих граждан в положение вынужденного конфликта с государством.

Пока эта недопустимая в правовом и гуманном обществе ситуация не будет коренным образом изменена, можно с полным основанием утверждать, что в Советском Союзе по отношению к религии имеет место *беззаконие под видом закона*.

Лишение религиозных обществ права собственности на молитвенные здания, лишение их права юридического лица, перманентная конфискация у них пожертвованных предметов культа превращают в бессодержательную фразу ст. 124-ю Конституции СССР об отделении церкви от государства и свободе отправления религиозных культов, ст. 125-ю той же Конституции, в которой свобода собраний, как и другие права, обеспечиваются предоставлением гражданам «материальных условий, необходимых для их осуществления», а также противоречит ст. 17-й Декларации Прав Человека, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право вла-

деть имуществом как единолично, так и обща с другими.

2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества».

III. *Запрещение миссионерской и культурно-социальной деятельности религиозных обществ.*

Отказ в признании права верующих на миссионерскую деятельность («религиозную пропаганду») содержится уже в ст. 124-й Конституции СССР:

«... Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Эта статья носит откровенно дискриминационный характер, так как гражданам, исповедующим атеизм, предоставляет право распространения и публичного отстаивания своих взглядов, не предоставляя этого права гражданам, исповедующим какую-либо религию.

Не признавая за гражданами свободы религиозной пропаганды, советский закон не содержит и прямого ее запрещения, сохраняя недопустимую в законодательстве двусмысленность.

Однако запрещение это выражено в законодательстве косвенным, при этом достаточно убедительным образом. Так, ст. 19-я Постановления о религиозных объединениях с поправками 1975 г. гласит:

«Район деятельности служителей культа, религиозных проповедников и т. п. ограничивается местожительством членов обслуживающего ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения».

С учетом статьи 12-й этого Постановления, в которой «религиозным объединениям воспрещается... организовывать... библейские, по обучению религии и т. п. собрания», становится ясным, что религиозная проповедь допускается только в молитвенном помещении во время молитвенного собрания.

Это и означает фактическое запрещение миссионерства, т. е. проповеди, обращенной к неверующим гражданам или представителям других религий.

В частности, христиане ставятся этим запрещением в положение вынужденных нарушителей советского закона, так как никакое насилие, даже санкционированное законодательством, не может заставить христиан отречься от одной из главных заповедей Спасителя:

«Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19).

В настоящее время от указанного запрещения особенно страдают баптисты и хри-

стиане других конфессий, развивающие наибольшую миссионерскую активность, но в принципе все христиане, а также представители других религий, содержащих миссионерство как обязательную заповедь, оказываются в состоянии вынужденного конфликта с государством.

Поправка к Конституции, отменившая свободу «религиозной пропаганды»,¹⁰⁾ как и все основы нынешнего законодательства о религии, были приняты в 1929 году, перед началом решительного наступления на религию с целью ее полного уничтожения. Достаточно напомнить, что 1932—37 гг. были объявлены «безбожной пятилеткой», к 1936 г. планировалось закрыть последние церкви, а к 1937 г. — «выкурить религию из всех щелей», «чтобы имя Бога больше не произносилось в нашей стране».¹¹⁾

Где гарантия, что то же самое законодательство не будет вновь использовано для тех же самых целей?

Принятое в 1966 г. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О применении статьи 142-й Уголовного Кодекса РСФСР»,¹²⁾ ввело ряд дополнительных запретов, в основном направленных против религиозной пропаганды и борьбы верующих за свои права.

Так, пункт «б» указанного Постановления называется в числе действий, подлежащих под ст. 142-ю УК РСФСР, «изготовление с целью массового распространения или массовое распространение обращений, писем, листовок и иных документов, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культах».

Пункт «г» этого Постановления относит к числу преступных действий «организацию и проведение религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, нарушающих общественный порядок».

Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР (М. 1971 г., стр. 307—308) разъясняет, какие именно преступные действия имеются в виду в этом пункте:

«... например, проведение молитвенных собраний... в парках, скверах...; коллективное пение религиозных псалмов в вагонах поездов, в автобусах, на вокзалах...»

Виновные в этих преступлениях караются по ст. 142-й лишением свободы до одного года, а организаторы преступлений и

лица, судимые повторно, — до трех лет.

Мы полагаем, что дальнейшие комментарии излишни.

Особый характер имеет пункт «в» Постановления 1966 г., квалифицирующий как уголовное преступление по ст. 142-й «совершение обманных действий с целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения».

Комментарий к УК РСФСР поясняет:

«Обманные действия могут иметь различный характер. Это — инсценировки с «чудотворными» иконами (например, слезы из глаз иконы Богоматери,¹³⁾ «чудесные» исцеления на могилах или около мощей «святых», организация руководителем сектантской группы через своих помощников «знамений конца света» и т. п. Для состава преступления необходимо наличие специальной цели этих действий: возбуждение суеверий в массах населения. К рассматриваемому деянию может быть отнесена и организация распространения различных слухов с целью возбуждения суеверия в массах».

В. А. Куроедов в последнем интервью («Известия», 30. I. 1976 г.) авторитетно подтверждает, что под преступлениями против этой статьи закона имеется в виду «распространение слухов о „конце света“, о „чудесных исцелениях“ на могилах или около так называемых „святых мест“, инсценировки таких исцелений и т. п.».

Авторы советского уголовного права не дают критерия, позволяющего отличить истинную веру от «суеверий» и подлинные чудеса от ложных,¹⁴⁾ так как они очевидно исходят из атеистической предпосылки, что «чудес не бывает» и всякое заявление о чуде есть «обманное действие» «с целью возбуждения суеверий».

Если бы Лурд и Фатима¹⁵⁾ находились в странах, где действует подобная статья за-

¹³⁾ Мы исправляем орфографию подлинника, где имя Богоматери — с маленькой буквы.

¹⁴⁾ Выработка таких критериев есть, безусловно, внутреннее дело самой Церкви.

¹⁵⁾ Лурд (Lourdes) — французский город в Пиренеях. В пещере около этого города в 1858 году несколько раз являлась Божья Матерь крестьянской девочке Бернадетте Субиру. На месте, указанном Богоматерью, когда по Ее повелению, стали рыть землю, вскоре забил источник, прославившийся многими чудесными исцелениями. С тех пор Лурд стал местом массового паломничества.

Фатима (Fátima) — деревня в Португалии близ Лиссабона, где в мае 1917 г., т. е. вскоре после Февральской революции в России, явилась Божья Матерь трем крестьянским детям — Люсии Сантуш, Франсишку и Жасинте Марту (брату и сестре). Явления Богоматери происходили несколько раз. В третьем явлении — 13 июля 1917 г. — Божья Матерь сказала детям, что нужно усиленно молиться за Россию, чтобы она снова обратилась к Богу, иначе эта страна распространит свое лжеуче-

¹⁰⁾ В первой Конституции РСФСР соответствующая статья не дискриминировала граждан по религиозному признаку: «Ст. 13... Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

¹¹⁾ И. Р. Шафаревич, Законодательство о религии в СССР, ИМКА-Пресс, 1973, стр. 75.

¹²⁾ «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1966, № 12. Статья 142 — «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви».

кона, то члены медицинских комиссий, констатирующих факты чудесных исцелений в этих святых местах, оказались бы на скамье подсудимых...

Тенденция этой статьи закона носит в высшей степени угрожающий характер: где, например, гарантия того, что под ее действие не будет подведено совершение всех церковных таинств, которые с точки зрения «распространяемого в массах» учения Церкви, являются непрерывно возобновляемым чудом? Ведь раздавались же еще в 1918 году кощунственные призывы запретить главное таинство Православной Церкви — Святое Причастие, как якобы «колдовский акт»!¹⁶⁾

Что же касается «слуха» о неизбежно грядущем «конце света», точнее — о Втором Пришествии Господа Иисуса Христа, то вся Христианская Церковь настойчиво распространяет этот «слух», а точнее, свое глубокое убеждение, вот уже почти 2000 лет!

И она будет продолжать открыто свидетельствовать о своей вере и своем уповании, какими бы карами ей за это ни угрожали.

Положение всех верующих в Советском Союзе напоминает положение христиан в ту эпоху Римской Империи, когда рескриптом императора Траяна само ношение имени «христианин» было объявлено уголовным преступлением; однако закон этот иногда подолгу не приводился в действие, пока какой-нибудь император не начинал очередного гонения...

Наряду с запрещением всякого активного распространения своего вероучения, религиозные общества лишены также права на какую бы то ни было культурно-социальную деятельность.

Постановление о религиозных объединениях 1929 г., с поправками 1975 г., в ст. 17-й гласит:

«Религиозным объединениям воспрещается:

а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом в каких-либо иных целях, кроме удовлетворения религиозных потребностей;

б) оказывать материальную поддержку своим членам;

ние (надвигающийся большевизм) по всему миру. Франшишко и Жасинта умерли детьми, Люсия же вступила впоследствии в кармелитский монастырь, где подвизается и поныне. Место явления Божьей Матери в Фатиме ознаменовалось многими чудесами и привлекает к себе массу паломников со всех концов мира, (Примеч. Редакции).

¹⁶⁾ К этому призывал заместитель наркома юстиции (!) Шпицберг.

в) организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельнические, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа».

Нужны ли еще доказательства того, что советское законодательство является грубо дискриминационным, лишая религиозные общества тех элементарных прав организации частной жизни своих членов, которых не лишены другие добровольные ассоциации граждан: профсоюзы, колхозы, кооперативы, клубы и т. д.?

Атеисты хотят «отмирания» религии, стремиться к этому — их право, но никогда нельзя признать за ними права у б и в а т ь религию при помощи несправедливых законов!

Всякая религия есть целостное мировоззрение, не только определяющее отношение человека к Богу и посмертному существованию, но и требующая от своих последователей определенного образа жизни, определенного воздействия на культурно-социальную сферу бытия. Вопрос о содержании своей религии компетентны решать только сами религиозные общества, и только сами верующие имеют право устанавливать меру своей активности в культурно-социальной области. Законодательные ограничения этой активности могут быть связаны только с ограждением всех членов общества от какого-либо принуждения или насилия со стороны религиозных или антирелигиозных обществ и организаций.

Отметим, что и в рассматриваемом аспекте советское законодательство о религии отменяет конституционные гарантии свободы слова и свободы собраний, противоречит статье 19-й Декларации Прав Человека, которая гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их», а также статье 20-й этой Декларации: «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций».

Пока не будет коренным образом пересмотрено нынешнее законодательство, вынуждающее верующих отказываться от борьбы за распространение своей религии и ограничить ее исключительно «богослужebным культом», — до тех пор остается несомненным фактом, что в Советском Союзе не существует свободы совести.

IV. Дискриминационный характер системы образования; запрещение организованных форм частного религиозного образования и воспитания.

Декретом 1918 г. постановлено:

«Школа отделяется от церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом».

Во что вылились в дальнейшем эти положения Декрета?

Прежде всего, советская система образования приняла не безрелигиозный характер, но характер атеистически-антирелигиозный.

Так, в Постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1964 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» провозглашается требование:

«... преподавание предметов (история, литература, естествознание, физика, химия и т. д.) насытить атеистическим содержанием...».

Такое насыщение общеобязательных школьных программ атеистическим, антирелигиозным содержанием придает советской системе образования отчетливо выраженный дискриминационный характер, так как ставит верующих учащихся в крайне тяжелое положение, принципиально делая для них невозможным нормальное прохождение курса школьного обучения.

Действительно, что может отвечать на уроке или на экзамене верующий христианин-пятиклассник, если в учебнике истории он читает:¹⁷⁾

«Около двух тысяч лет назад появились сказания, будто на Землю приходил с неба бог и жил здесь под видом человека по имени Иисус Христос. Хотя эти сказания были вымышлены, люди им верили».

В шестом классе ему приходится узнать и усвоить следующее:¹⁸⁾

«Церковь обогащалась с помощью обмана и мошенничества, пользуясь темнотой и невежеством народа» (курсивом — как общий вывод).

На уроках ботаники (!) верующий ученик должен усвоить следующие «положения»:¹⁹⁾

«Распространению болезнетворных бак-

терий в старое время благоприятствовали различные религиозные обряды, которые выполняли люди, верующие в Бога...²⁰⁾ Заражаясь во время крещения, многие дети заболели дизентерией, заразными кожными болезнями, простужались и заболели воспалением легких. Источником заразы был и обряд причастия... Источником распространения заразных болезней служил обряд целования креста и икон... Только с установлением Советской власти у нас в стране из года в год стало уменьшаться число заразных заболеваний».

В каком положении оказывается верующий ученик десятого класса, который обязан усвоить следующие положения учебника по обществоведению:²¹⁾ «Религия — это фантастическое, извращенное отражение мира в сознании человека»; «религия и церковь отравляют сознание людей, задерживают их духовное и нравственное развитие, мешают их общественной деятельности. Религия и в условиях социализма является оплотом невежества...»; «религия растлевает волю и сознание верующих» и т. п.? В каком положении оказывается верующий ученик, когда атеист-учитель навязывает ему изучение раздела этого учебника под названием: «Религиозным пережиткам — решительный бой»?

Насыщение школьных программ атеистическим содержанием обрекает верующего ученика на неуспеваемость, так как для него нравственно невозможно усваивать и излагать антирелигиозные положения обязательной программы.

Практически вопрос обычно решается путем взаимной неискренности учителя и ученика, но нередко возникают острые конфликты, травмирующие психику учащихся и приводящие к заниженной оценке их успеваемости.²²⁾

Еще более тяжелые испытания ждут верующего гражданина в институте, где он вынужден усвоить положения обязательного курса «научного атеизма». Нигде в программе не оговаривается, что он может быть положительно аттестован, если, например, на экзамене изложит эти доводы атеизма вместе с контраргументами в пользу религии.

Включение атеизма и атеистических положений в обязательные институтские программы, очевидно, закрывает для верующих путь к получению высшего образо-

²⁰⁾ В подлиннике — с маленькой буквы, как принято в советской орфографии.

²¹⁾ Обществоведение, учебник для 10 кл., Москва, 1969.

²²⁾ Примеры приводятся, в частности, в письме Г. М. Шиманова в Президиум Верховного Совета по поводу проекта закона о всеобщем образовании, «Вече», № 8, Самиздат, 1973.

¹⁷⁾ Ф. П. Коровкин, История древнего мира, учебник для 5-го кл., Москва, 1972, стр. 80.

¹⁸⁾ Е. В. Агибалова, Г. М. Донской, История средних веков, учебник для 6 кл., Москва, 1975, стр. 90.

¹⁹⁾ Ботаника, учебник для 5—6 кл., Москва, 1974, стр. 205.

вания.

Далее, верующему гражданину закрыт путь и к дальнейшей научной карьере — защите кандидатской диссертации, так как обязательным условием допуска к защите является экзамен по атеистической философии «диалектического материализма», которая в инструкции Всесоюзной аттестационной комиссии объявляется фундаментом всякого научного мировоззрения.

Атеистическое содержание общеобразовательных, институтских и кандидатских программ находится в практическом противоречии со статьей 142-й УК РСФСР в толковании Постановления 1966 г., где квалифицируется как преступление «отказ гражданам в приеме на работу или в учебное заведение, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, лишение граждан установленных законом льгот, а равно иные существенные ограничения прав граждан в зависимости от их отношения к религии».

Практически этот закон легко обходится, в соответствии с указаниями «Комментария к уголовному кодексу» (1971 г., стр. 308): «Например, должностное лицо, уволившее верующего с работы, может быть привлечено к уголовной ответственности только в том случае, если бесспорно установлено, что увольнение произведено в связи с религиозными взглядами уволенного, а не по каким-либо иным причинам». Под предлогом «иных причин» и осуществляется этот вид религиозной дискриминации, например, в системе образования — под предлогом «неуспеваемости».

Дискриминационный характер системы образования и воспитания выражен в Законе о народном образовании 1974 года, где содержится следующее положение (ст. 57): «Родители и лица, их заменяющие, обязаны воспитывать детей в духе высокой коммунистической нравственности».²³⁾

Поскольку коммунистическая и религиозная нравственность по ряду важнейших аспектов несовместимы, то этот закон ставит в положение законопреступников всех верующих родителей, дающих своим детям религиозное воспитание, и ставит их перед угрозой лишения родительских прав.²⁴⁾

²³⁾ С критикой этого положения при обсуждении проекта закона выступили, например, в своем обращении в Президиум Верховного Совета СССР Капитанчук В. А., Карелин О. В., Якунин Г. П. — «Вече», № 8, Самиздат; с аналогичным обращением выступил Г. Юшманов — см. там же; обстоятельная критика высказывается также баптистами — см., например, сборник «Правовая борьба с госатеизмом», Самиздат.

²⁴⁾ Примеры лишения родительских прав приведены, в частности, у И. Р. Шафаревича, цит. соч., стр. 53—56.

Аналогичное содержание имеет ст. 52-я Кодекса о семье и браке РСФСР, которая гласит:

«Родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их . . . подготовке к общественно-полезной деятельности. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей».

Поскольку закон побуждает суд толковать «интересы детей» в духе коммунистического, т. е. атеистического мировоззрения, то это открывает возможность лишения верующих родителей родительских прав, в соответствии с тем же кодексом, «за уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей» или «злоупотребление своими родительскими правами».

Именно так комментирует закон заслуженный юрист РСФСР, главный юрисконсульт Совета по делам религий Г. Гольст («Религия и закон», М., 1975 г., стр. 16—17):

«... Закон не запрещает родителям самим обучать своих детей религии. Но о каком воспитании может идти речь тогда, когда некоторые верующие родители внушают им мысль о божественном происхождении всего сущего, в противовес подлинно научным знаниям, полученным детьми в школе? Так воспитывается двуличие и наступает духовный, внутренний разлад, что может нанести серьезный вред становлению человеческой личности».

Согласно такой «логике», всякое религиозное воспитание оказывается «противоречащим интересам детей», из чего вытекают соответствующие следствия.

«Всякие попытки, — продолжает тот же автор, — силой навязать детям и подросткам, юношам и девушкам религиозное мировоззрение должны решительно пресекаться . . . уполномоченными на то органами государства . . .». Ясно, что малейшая требовательность, естественно проявляемая родителями по отношению к детям, может быть интерпретирована судом как «применение силы».

Практиковавшееся во время хрущевского гонения массовое лишение верующих родительских прав по суду доказывает антирелигиозный характер соответствующих статей закона. Пока эти статьи не будут пересмотрены, можно утверждать, что Кодекс о семье и браке, а также Закон о всеобщем образовании дискредитируют граждан по религиозному признаку, вынуждая их воспитывать детей в духе несовместимой с религией «коммунистической морали».

Особенно тревожным представляется тот факт, что в отчетном докладе ЦК КПСС на XXV съезде высказывалась мысль о не-

обходимости закрепить в Конституции «построение коммунистического общества» как «высшую цель» не только партии, но и государства. Очевидно, такая реформа Конституции повлечет за собой ряд производных законодательных актов, углубляющих дискриминацию граждан по идеологическому и религиозному признаку. Десятки миллионов верующих людей будут поставлены такой Конституцией в положение «граждан второго сорта», так как они не могут ставить своей задачей построение коммунистического общества, которое, как известно, мыслится как общество атеистическое.

В дополнение к антирелигиозному характеру общего образования, законодательство запрещает все организованные формы частного религиозного образования.

Указ 1966 г. о применении ст. 142-й УК РСФСР определяет, что в состав преступления по этой статье входит, в частности, «организация и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии с нарушением установленных законом правил».

Комментарий к УК РСФСР (Москва, 1971, стр. 308) дает следующее пояснение:

«Под нарушением установленных законодательством правил понимается проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии в любой форме, кроме обучения родителями своих детей (например, организация религиозными объединениями и служителями культа специальных школ, кружков, групп; систематическое проведение собраний детей по вопросам вероучения; занятия по религии, которые проводятся родителями не только со своими детьми, но и с детьми других верующих)».

Указ 1975 года также подтвердил запрещение частных форм обучения религии:

«Ст. 17. Религиозным объединениям воспрещается: ... организовывать детские, юношеские ... собрания, ... общи библейские ... по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы ...».

Ст. 18. Преподавание религиозных вероучений может быть допущено исключительно в духовных учебных заведениях, открываемых в установленном порядке».

Таким образом, верующий гражданин совершает преступление против закона об отделении церкви от государства, если он проводит беседы на религиозные темы не только со своими детьми, но, по просьбе родителей, со своими внуками, племянниками или детьми своих друзей и соседей.

Очевидно, эти запреты имеют целью законодательно ускорить «отмирание» религии, так как лишь очень немногие верующие родители обладают достаточным об-

щим и религиозным образованием, чтобы обеспечить им религиозное воспитание на уровне современных требований, подготовить их к объективному и серьезному рассмотрению доводов атеистической пропаганды, с которой им на каждом шагу приходится сталкиваться. Лишение подрастающих граждан необходимой подготовки к свободному и сознательному выбору мировоззрения наносит становлению человеческой личности непоправимый вред, воспитывает людей с несамостоятельным и некритическим мышлением, людей, легко поддающихся любой, в том числе антигуманистической пропаганде;

«Сужение и, в конце концов, прекращение воспроизводства религиозности в новых поколениях, — утверждают авторы книги «Партийная организация и атеистическое воспитание», Москва, 1975, стр. 23, — приведет в перспективе к исчезновению реальной базы для пополнения религиозных организаций. Это основной путь преодоления религии в нашей стране».

И далее авторы подтверждают, что одним из главных методов этого «преодоления» является описанная выше религиозная дискриминация в области воспитания и образования:

«Особое место в этом деле принадлежит семье, школе, средним специальным и высшим учебным заведениям».

Борьба против религиозного воспитания в настоящее время особенно энергично ведется против баптистов, а также против католиков Литвы, которые успешно привлекают к религиозной жизни молодое поколение.

Дискриминация верующих в области образования и воспитания является вопиющим нарушением общечеловеческих норм.

Так, статья 26-я всеобщей Декларации Прав Человека²⁵⁾ гласит:

«... Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми или религиозными

²⁵⁾ Декларация Прав Человека является практически недоступным документом для большинства советских граждан. Советское правительство продолжает игнорировать призыв Ассамблеи ООН ко всем государствам — членам Организации, обнародовать текст Декларации и сделать все возможное для ее распространения, оглашения и разъяснения главным образом в школах и других учебных заведениях».

Однако те немногие граждане нашей страны, которые имели возможность узнать текст Декларации, относятся к этому документу с большой серьезностью и уважением.

группами, и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержке мира.

Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей».

2 июля 1962 г., в разгар антирелигиозного гонения, Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования.

В этой Конвенции, в частности, провозглашается:

«Ст. 3. В целях ликвидации или предупреждения дискриминации, подпадающей под определение, данное в настоящей Конвенции, государства, являющиеся сторонами Конвенции, обязуются:

а) выработать все законодательные постановления и административные распоряжения и прекратить практику дискриминационного характера в области образования;

б) принять, если нужно, в законодательном порядке меры, необходимые для того, чтобы устранить всякую дискриминацию при приеме учащихся в учебные заведения.

Ст. 4. Государства, являющиеся сторонами настоящей Конвенции, обязуются, кроме того...

д) обеспечить без дискриминации подготовку к преподавательской деятельности.

Ст. 5. Государства, являющиеся сторонами настоящей Конвенции, считают, что:

а) родители и, в соответствующих случаях, законные опекуны, должны иметь возможность... обеспечивать религиозное и моральное воспитание детей в соответствии с их собственными убеждениями».

Приведенные выше законодательные факты свидетельствуют, что советское правительство полностью пренебрегло подписанной им Конвенцией.

Советское государство не может избежать обвинения в *заведомой неискренности при подписании международных соглашений* и обвинения в наличии *религиозной дискриминации в области образования и воспитания* до тех пор, пока не выполнит всех обязательств, взятых им на себя в Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования.

**

*

Дорогой г-н Поттер!

В связи с полемикой, развернувшейся между христианами по вопросу защиты прав человека и борьбы против религиозной дискриминации, все большую роль приобретает проблема личного свидетельства. В своем обращении к делегатам Ассамблеи в Найроби мы писали: «Перед христианской совестью зарубежных братьев

встал вопрос: если насилие так велико, что избиваемый вынужден улыбаться и протестовать против помощи, — дает ли это основание, чтобы не защищать его?».

Поставленный нами вопрос неожиданно стал сейчас особенно актуальным.

В связи с тем, что к августу м-цу с. г. соответствующий Подкомитет ВСЦ, по решению Ассамблеи в Найроби, должен изучить и представить на рассмотрение ВСЦ собранные материалы, относящиеся к нарушению прав верующих в странах, подписавших Хельсинское соглашение, Совет по делам религий при Совете Министров СССР спустил директиву своим уполномоченным на местах: организовать кампанию протеста среди рядового духовенства и верующих прихожан с целью «нейтрализовать» наше обращение в Найроби и сорвать возможную попытку ВСЦ принять резолюцию протеста против ущемления прав верующих в СССР.

Какого бы размаха ни достигла эта акция лжесвидетельства, мы уверены, что ее организаторы добьются лишь обратного результата; чем больше подпишется под разного рода успокоительными посланиями, удастся собрать, тем более *наглядным, ярким и убедительным* подтверждением отсутствия религиозной свободы, доказательством глубокой и всесторонней *зависимости* религиозных обществ от государственной администрации, доказательством бесправия верующих послужат эти послания.

Никакое количество вынужденных подписей не докажет отсутствия в СССР религиозной дискриминации; не докажут этого и настойчивые заверения государственных и высших церковных деятелей.

Свобода свидетельствует о себе сама.

Доказать отсутствие религиозной дискриминации может лишь принятие советским государством нового законодательства о религии и честное выполнение его; доказать это могут лишь десятки тысяч новых религиозных обществ, храмов, молитвенных домов, кружков по религиозному обучению, миссионерских, благотворительных, религиозно-культурных объединений, которые сами собой немедленно возникнут сразу же после установления в СССР подлинной религиозной свободы.

Мы уверены, что Всемирный Совет Церквей, руководясь «духом Найроби», окажется на высоте своей задачи и отнесется к проблеме религиозной дискриминации в современном мире с должной серьезностью и объективностью.

Резолюция «Разоружение. Хельсинское соглашение» Комитета выработки политики призывает правительства, подписавшие Хельсинское соглашение, к уважению Де-

сяти Принципов, определяющих отношения между народами, среди которых содержатся принципы:

«7. Уважение к правам человека и фундаментальным свободам, включая свободу мысли, совести, религии и веры», а также:

«10. Честное выполнение обязанностей, налагаемых Международным Правом».

Резолюция далее провозглашает:

«Мы уделяем особое внимание тексту Соглашения, относящегося к соблюдению прав человека, провозглашенных Организацией Объединенных Наций во Всемировой Декларации Прав Человека. На церквях лежит ответственность свидетельствовать везде, где это необходимо, что безопасность и развитие истинно гуманистических отношений через все рубежи идут бок о бок. Церковь должна проявить особую озабоченность необходимостью правил поведения, целей, посредством которых можно было бы предотвратить любую попытку насильственных действий в ответ на установление новых отношений, обеспечивающих безопасность и уважение достоинства человека...»

...Церкви будут также глубоко озабочены теми пунктами Хельсинского соглашения, которые непосредственно относятся к их собственному положению и функциям (свобода религии, свобода верований и богослужений, контакты между церквями, обмен информацией и т. д.). Они со всей ясностью доведут до правительств их соб-

ственное понимание этих разделов, равно как и то, каким образом они должны осуществляться».

Мы надеемся, что эти призывы делегатов Ассамблеи будут услышаны и поддержаны христианами всего мира.

Вместе с делегатами Ассамблеи, сознавая всю реальность «силы зла в этом мире», мы убеждены, что христиане найдут в себе мужество и терпение бороться с антигуманизмом и религиозной дискриминацией, сколько бы времени и сил это ни потребовало!

И да будет с нами слово Иисуса Христа: «Мужайтесь, Я победил мир!» (Ин. 16, 33).

С искренним и глубоким уважением:
священник Глеб Якунин
Лев Регельсон

Москва, 6 марта 1976 г.

Р. С. Как нам стало известно, Международная комиссия юристов обратилась с докладом в Комиссию ООН по правам человека по поводу нарушения гражданских прав в Уругвае, в частности, введения правительственной цензуры на церковную печать.

В связи с интересом, проявленным Международной комиссией юристов к вопросу религиозной дискриминации, мы надеемся, что ВСЦ сочтет возможным ознакомить эту высококомпетентную комиссию с материалами, касающимися законодательства о религии в нашей стране.

ВЛАДИМИР САМАРИН

Две эмиграции

1.

Не так давно пришлось мне говорить с человеком, только-только прилетевшим в США, всю жизнь свою — человек молодой — прожившим в СССР. Обычные вопросы, а под конец беседы я спросил, что знает он о русской эмиграции. И тут выяснилось, что в его представлении эмиграция первая состоит из остатков «бывших классов», помещиков, буржуазии, офицеров-белогвардейцев, ну и их детей, ставших взрослыми...

Вторая... Я пояснил: те, что эмигрировали во время второй мировой войны.

Тут он замаялся:

— Власовцы, наверное?

— Нет, не только власовцы.

Время беседы нашей было ограничено, и я, как мог, рассказал об эмиграции, о ее литературе, коротко о Власовском движении.

Он слушал внимательно и, кажется, с доверием. Все для него было новым. Удивляться не приходится. Годами слушал, читал мой симпатичный собеседник все одно и то же, одно и то же: ложь, перемешанную с полуправдой.

Ни одной несоветской газеты никогда не видел. Ни одной несоветской книги не прочитал. О Самиздате слышал, но самиздатовских изданий не видел.

К сожалению, и на страницах нашей эмигрантской печати появляется иногда нечто, вводящее в заблуждение неосведомленных читателей, особенно, когда речь идет о второй эмиграции. А ведь таких читателей теперь немало. Им нужна правдивая информация.

Прав Солженицын, когда пишет (в 3-м томе «Архипелага», стр. 35), что Освободительное движение периода второй мировой войны, высокопарно именуемой в советской пропаганде «Великой Отечественной»,

— было «куда более народным, простонародным, чем все интеллигентское „освободительное” движение с начала XX века и до февраля 1917 г. с его мнимонародными целями и октябрьскими плодами».

Надо полагать, на основании этих строк автор пространной публикации*) заявил, что вся вторая эмиграция простонародная.

Трижды, как заклинание, повторенное, но ничем не подкрепленное, заявление это нуждается в существенных поправках и разъяснениях.

Вообще противопоставление второй эмиграции первой, в которой будто бы было «много бывшего дворянства, бывших богатых слоев, интеллигенции», — излишне.

Если первая эмиграция состоит далеко не из одних только «дворян-помещиков» и «богатых слоев», то и во второй эмиграции далеко не одно только простонародье.

Я вообще не стал бы пользоваться этим термином. А если и пользоваться, то только в кавычках.

Я хочу сказать одно: и та, и другая эмиграция — часть нашего народа.

И обе эмиграции — явление в истории беспрецедентное, подлинно историческое явление.

2.

Когда-то, в первые годы после окончания второй мировой войны, была иная терминология: не первая и вторая эмиграция, а старые и новые эмигранты.

Скоро появились новейшие, солдаты и офицеры, преимущественно офицеры, потому что солдатам было труднее бежать, — советской оккупационной армии в Восточной Германии, переходившие в Западную, получавшие право политического убежища. Назывались новейшие еще послевоенными.

Время стерло грани между эмиграциями, забыты трения, когда-то возникавшие между «старыми» и «новыми». Новейших и те, и другие встретили радушно, как новое пополнение эмиграции.

Я хорошо знаю власовскую среду, так же хорошо НТС, где психологические барьеры, когда-то ощутимые, исчезли без следа.

Если в среде власовцев большинство из второй эмиграции, то в НТС нужно было бы провести специальный опрос (никому из нас он не нужен), чтобы установить, сколько в нем «старых», сколько «новых».

Нет, по моим наблюдениям, давно уже никакого антагонизма и в общеэмигрантской среде: вместе пьют чай и водку, перемежая воспоминания о первой гражданской войне и о второй. Это тема особая, но

я утверждаю: в занятых немцами областях шла гражданская война, и прославленные в советской пропаганде партизанские соединения Ковпака при столкновении с нашими добровольческими батальонами поспешно уходили в Припятские болота, где и отсиживались.

Если между двумя эмиграциями исчезли психологические барьеры, то никогда не было перегородок сословных.

Конечно, в первой эмиграции значительнее процент дворян по той причине, что дворянство, как слой состоятельных людей, как и духовенство, офицерство, — истреблялось четверть века, и во второй эмиграции оказались только остатки истребленных слоев.

И все-таки из двенадцати писателей и поэтов второй эмиграции (называю тех, чье происхождение знаю: С. Максимов, Н. Нароков, Б. Ширяев, В. Свен, Г. Андреев, И. Елагин, Л. Ржевский, Г. Глинка, Н. Морштен, Р. Березов, Д. Кленовский, О. Ильинский) — по крайней мере половина — дворяне.

Общее у обеих эмиграций их последовательный антикоммунизм. В большинстве своем и та, и другая эмиграция — политическая.

И те, и другие эмигранты с оружием в руках боролись против общего врага, понеся огромные потери и на полях сражений и предательски обезоруженные и выданные.

От выдачи пострадала главным образом вторая эмиграция. Среди выданных в Австрии казаков попали и бывшие белые офицеры, сражавшиеся во вторую мировую войну в казачьих частях.

Мы, уцелевшие, выдачи избежавшие, всегда будем благодарны старым эмигрантам, помогавшим нам спастись. Никогда не забудем той помощи, какую оказала нам Русская Зарубежная Церковь, возглавляемая иерархами, принадлежащими к первой эмиграции. Никогда не забудем и той помощи, какую оказывали поляки, прибалтийцы, югославы.

Это тоже тема особая, об этом тоже нужно писать.

Разумеется, политически активных и в той, и в другой эмиграции — меньшинство, разумеется, есть просто беженцы, бросившие все, что имели, уходившие с одними рюкзаками за плечами.

Об эмиграции первой написано немало, и мне остается только отослать читателя, интересующегося историей эмиграции, к уже написанному.

В этой статье можно сказать коротко, в общих чертах, главным образом для читателя неосведомленного.

*) М. Коряков, Три эмиграции, «НРС», 1, 7, 11, 14, 18, 21 марта 1976 г.

Первыми эмигрантами советского периода истории России были дипломаты, представлявшие за рубежом Временное правительство, — послы, консулы, сотрудники посольств и консульств, а также миссии (например, сотрудники русской миссии в США по приему вооружения), перешедшие после октябрьского переворота на положение эмигрантов.

Пользуясь хаосом, возникшим в России с приходом к власти большевиков, за границу разными путями выезжали люди разных профессий и состояний, среди них писатели, ученые, художники.

На территории вновь образованных государств — Польши, Эстонии, Латвии, Литвы — жило много русских, и они остались на месте, стали фактически эмигрантами. К ним присоединились те, что бежали из Совдепии, как тогда называли Советскую Россию, захваченную большевиками.

В 1945 году, при приближении советской армии подавляющее большинство русских бежало и из Прибалтики, и из Польши. Часть русских бежала еще в первую оккупацию, предвоенную, — в Германию, вообще в Европу.

Большинство осталось. В 1945 году бежали все. Остались немногие.

В Маньчжурии, после захвата большевиками власти в России, остался весь контингент служащих и рабочих КВЖД. Когда эта дорога была в советских руках, часть служащих и рабочих вернулась в СССР и сгинула в концлагерях.

Часть русской эмиграции в Маньчжурии, пережив японскую, потом советскую оккупацию, вырвалась через Китай на Филиппины, а оттуда переселилась в Австралию и США.

В первые годы после революции советское правительство практиковало высылку за границу ученых. Большая группа была выслана в 1922 году. Так советское правительство, само того не желая, способствовало значительному укреплению культурных сил эмиграции, в частности, русскому философскому ренессансу (Бердяев, Лосский, Шестов, Франк, Вышеславцев, Ильин).

За границей оказались крупнейшие русские писатели начала века (Бунин, Куприн, Мережковский, Андреев, Зайцев, Шмелев, Алданов, Сургучев, Гиппиус, Георгий Иванов, Г. Адамович — и еще имена, имена!).

Массовая эмиграция была связана с окончанием гражданской войны.

Советская пропаганда годами изображала участников Белого движения сплошь монархистами, между тем идея монархии была популярна только лишь среди части офицеров и солдат Белой армии.

В песни ударных корниловских частей

были даже такие слова:

Мы о прошлом не жалеем,
Царь нам не кумир.
Мы одну мечту лелеем:
Дать России мир.

И далеко не все офицеры Белой армии вышли из дворянской или торгово-промышленной среды.

Выходцами из дворянской среды были и некоторые военачальники Красной армии (Тухачевский, Каменев, Бонч-Бруевич).

Советская пропаганда замалчивает тот факт, что рядовой состав Белых армий в социальном отношении мало чем отличался от рядового состава Красной армии: и на той, и на другой стороне сражались крестьяне, может быть, в Красной армии было больше рабочих.

На стороне красных сражались матросы, а на стороне белых почти все наше доблестное казачество.

Рядовое офицерство Белых армий — это рядовое офицерство русской армии последних лет войны. Среди, например, прапорщиков дворян было немного.

Даже генералитет Белых армий не был однородным по социальному составу, тем более не был «помещичье-капиталистическим».

Вот имена организаторов и возглавителей Белой борьбы.

Генерал Алексеев, организатор Добровольческой армии, сын армейского офицера.

Генерал Корнилов, Главнокомандующий Добровольческой армией, сменивший умершего Алексева, сын казака.

Генерал Деникин, сменивший убитого на своем посту Корнилова, сын крестьянина, дослужившегося до майора пограничных войск.

И только генерал Врангель, преемник Деникина, барон по происхождению, военный инженер по образованию.

Верховный Правитель России, командующий Белыми армиями в Сибири, потомственный моряк, адмирал Колчак.

Рядовой состав Белых армий — добровольцы. И только часть — мобилизованные, преимущественно крестьяне.

Добровольцами шли в первую очередь молодежь — студенты, гимназисты.

Уцелевшие доучивались уже в эмиграции, главным образом в Чехословакии.

В армии Колчака две дивизии целиком состояли из рабочих Ижевского и Воткинского военных государственных заводов, поднявших восстание против большевиков.

С остатками армии Колчака ижевцы и воткинцы ушли в эмиграцию.

В Белых армиях сражалось, как я уже сказал, казачество: Донское, Кубанское,

Терское, отнюдь не дворянского и не капиталистического происхождения.

В Белых армиях воевали калмыки — вот родные братья наши в общей борьбе!

Когда танки фельдмаршала Клейста вышли в 1942 году в Сальские степи, калмыки в течение нескольких недель выставили шестнадцать добровольческих батальонов для борьбы против большевизма. Вместе с русскими добровольческими частями бились до конца. Уцелевшие ушли в эмиграцию.

Недалеко от Нью-Йорка, под Лейквудом и под Филадельфией, центры рассеяния калмыков.

Наконец, в эмиграцию в течение гражданской войны и после нее ушли тысячи и тысячи просто беженцев.

В своих «Воспоминаниях» Бунин рассказывает, как эвакуировался из Одессы в 1920 году, перед самым захватом города большевиками.

Бунин пишет:

«Мы ушли из города в порт пешком, темным грязным вечером, когда большевики уже входили в город, и едва втиснулись в несметную толпу прочих беженцев, набившихся в маленький, ветхий греческий пароход „Патрас”».

Среди беженцев были люди разных состояний и положений.

Таков в общих чертах состав первой эмиграции.

3.

Народная и вторая эмиграция. Среди нас и крестьяне, и рабочие, и интеллигенция.

Если численность первой эмиграции определялась приблизительной цифрой — полтора миллиона, то установить численность второй эмиграции очень трудно, потому что немалая часть второй эмиграции — это эмигранты, изменившие во время насильственной репатриации в своих документах месторождения, чтобы избежать репатриации, и бывший курянин числится бывшим варшавянином, то есть «старым» эмигрантом, а бывший киевлянин бывшим парижанином или рижанином.

Живших до войны вне пределов СССР в границах 1938 года не выдавали.

Не будь насильственной репатриации, численность нашей эмиграции была бы куда значительно больше, но и так — сотни тысяч.

Политически активных, как и в первой эмиграции, среди нас меньшинство, хотя каждый эмигрант, хочет он того или нет, эмигрант политический: одним своим пребыванием в свободном мире свидетельствует против рабовладельческого коммунистического режима.

Кто же в нашей эмиграции?

Первые из второй эмиграции — это те, кого немцы вывозили на работы в Германию (вывозили главным образом молодежь), это те, кто, уклонившись от репатриации, спасшись, остались в Германии, а затем расселились по всему миру.

Первые эмигранты это и военнопленные, попавшие в Германию во время войны, скрывшиеся во время репатриации, оставшиеся в Германии, затем тоже расселившиеся по всему миру.

Наконец, это солдаты и офицеры РОА (Русской освободительной армии) и других добровольческих частей, спасшиеся от репатриации.

Наконец, это часть населения занятых немцами областей. С отступающей немецкой армией уходили не только начальники полиции, городские головы и редакторы газет... Уходило именно население. Это был массовый исход, о котором с такой силой исторической правды пишет Солженицын в третьем томе «Архипелага».

По простому арифметическому расчету в занятых немцами областях СССР осталось семьдесят миллионов человек. Сталин сказал в известном паническом приказе: осталось 60 миллионов. Гитлер заявлял: осталось 80 миллионов. Сталин преуменьшил, Гитлер преувеличил, и можно считать: осталось 70 миллионов.

В эмиграцию ушли, конечно, не все 70 миллионов, но при известных условиях могли и уйти...

Уходили, конечно, те, кому в первую голову угрожала расправа, смерть: все работники полиции, начальники городов и сотрудники городских управ, редакторы и сотрудники газет (во всех областных городах, во многих районных были русские газеты), радиоузлов, директора театров, школ. Уходили те, кому угрожала если не смерть, то концлагерь: преподаватели школ, инженеры, техники, ведавшие городскими хозяйствами, инженеры и весь технический персонал восстановленных и работавших заводов и фабрик, врачи.

Одним словом, в эмиграцию уходила и ушла *интеллигенция*.

Конечно, не все ушли: одних захватили по дороге, другие остались, измученные, где-то на пути, третьи, наивные, оставались на месте. Судьба их, за редкими исключениями, трагична.

О судьбе их проговорился ортодоксальный советский писатель Константин Симонов в книжке своей «Из записок Лопатина».

Большинство все-таки ушло в эмиграцию.

Поездами, машинами, подводами, а где и

пешком. С рюкзаками за плечами. С детьми на руках. И все на Запад, все на Запад...

Такого исхода с чужой армией, в чужую страну, в неизвестность Россия не видела никогда.

Из деревень уходили, бежали не только волостные старшины, старосты и «полицай», — уходила сама мужицкая Русь.

По шоссе, по проселочным дорогам, в летнюю жару, по непролазной осенней грязи, в зимнюю вьюгу — обозы, обозы, обозы...

О них, а вернее о нас, об уходивших, пишет Александр Солженицын, пишет, все понимая, — великая благодарность ему.

По тем же дорогам отступали русские добровольческие батальоны, национальные части: калмыцкие туркменские. Уходила Украина, Белоруссия, Прибалтика...

Будто вчера это было — помню эти обозы.

Конец июля 1944 года. В нашем товарном вагоне человек двадцать, все русские. Скоро Минск, и за ним старая граница.

С нами бывший батальонный комиссар, разочаровавшийся коммунист, теперь капитан добровольческой части, в прошлом еще и профессиональный журналист, Михаил Петрович П.

Поезд замедляет ход, идет мимо небольшой станции.

— Что такое? — изумляется П., сидевший у открытой двери вагона. — Базар, что ли?

В открытую дверь видна привокзальная площадь, забитая подводами.

На подводах узлы с домашним скарбом, а на них мужчины, женщины, дети. Торчат дула винтовок. На одной подводе немецкий пулемет на треноге. Вооружены, чтобы от партизан, «народных мстителей», обороняться. У партизан задание: перехватывать обозы, уничтожать всех, кто уходит.

Налево, по шоссе, насколько хватает глаз, — подводы. Направо, за станцией, деревянный мост. Там и образовался затор.

— Просто вся Россия уходит, — говорит П.

— Такого не было в сорок первом. Бежала армия, а точнее — разбегалась, чтобы Сталина не защищать. Драпали коммунисты, а впереди всех энкаведисты. А сейчас мужик уходит.

Поезд наш идет все дальше, на Запад.

О, русская земля, ты уже за холмом...

4.

Да, уходил мужик, уходил от колхозного ярма, от расправы. Уходила и интеллигенция, ждавшая немцев как освободителей. Тем горше было разочарование, когда интеллигенция узнала, каковы освободите-

ли, но и в тех тяжких условиях делала то, что считала нужным делать.

Солженицын рассказывает в третьем томе «Архипелага» о своем знакомом, инженере Н. Г. Броневецком, который говорил об оставленных Красной армией городах не «сдали», а «взяли», то есть **мы взяли**.

Не один он так говорил, не один он, а тысячи и тысячи чувствовали: «подходит их час — тот единственный неповторимый час, на который уже двадцать лет не было надежды...» (стр. 27).

Свидетельствую: мы ждали этого часа, мы надеялись на этот час.

Во взятом врагом-союзником Морозовске Броневецкий был городским головой.

Могу назвать десятки имен, но вот только некоторые из них.

Сергей Леонидович К., хороший знакомый моей семьи, умер в США, похоронен в нашем Русском Пантеоне, в Новом Дивееве.

В прошлом один из крупнейших металлургов страны. Главный инженер Липецкого комбината, потом Макеевского, на Донбассе. Когда пришли немцы, возглавлял восстановление комбината, разрушенного перед отступлением Красной армии.

Уже в США — жил в Нью-Йорке и Вашингтоне — получил известие о своем... расстреле. Когда Красная армия заняла Донбасс, на большом собрании инженерно-технических работников, возвращенных из эвакуации, знавших Сергея Леонидовича, было объявлено, что он, как «патриот нашей родины», был расстрелян немцами.

Точно так же, в начале 60-х годов, в «Комсомольской правде» «пал смертью храбрых» на полях «Великой Отечественной» писатель и поэт Г. А. Глинка, и ныне здравствующий в США.

Помнится, посылая Глебу Александровичу страницу из презренной «Комсомолки», я выразил ему сочувствие в связи с героической гибелью.

Иная судьба тех, кого «освободители» захватывали: виселица, расстрел, в лучшем случае концлагерь.

Судьба оставшихся была такой же трагической, как и захваченных. Так погиб, расстрелянный после прихода в Смоленск Советской армии, проф. Владимир Гречишников, редактор журнала «На переломе», издававшегося в Смоленске.

Врачи, по долгу своему, оставались в больницах, если больных не удавалось эвакуировать. Так было в Орле, где в городской больнице остались и больные, и раненые в бомбежках «сталинскими соколами».

Если и не всех врачей, как и других интеллигентных людей, репрессировали, то

не репрессированные на годы и годы оставались с клеймом в анкетах: «был в оккупации». У писателя С. Антонова есть рассказ «Анкета». В нем — судьба женщины-радиотехника. Годами не могла получить работу по специальности: «была в оккупации». Наверно не раз жалела, что не ушла в эмиграцию. Не везде, не всегда это возможно было, некоторые города и деревни попадали в окружение или занимались внезапно.

Все-таки, по моим наблюдениям, большинство работавших в городских управлениях, в газетах, большинство инженеров, педагогов ушло в эмиграцию.

Н. Градобоев назвал в «Новом русском слове» городского голову Винницы. Я хорошо знал русские области — Орловскую, нынешнюю Брянскую, отчасти Смоленскую, — где власть находилась в руках военного командования, оппозиционного нацистскому руководству, и положение в этих областях существенно отличалось от положения на Украине и в Белоруссии, где хозяйничали «золотые фазаны» Розенберга. Но это — тема особая, к которой стоит вернуться когда-нибудь.

А сейчас вернусь к теме: вторая эмиграция, хотя обе темы связаны.

В советской пропаганде употребляется термин «бургомистр». В русских городах были, как когда-то в России, городские головы или начальники городов и округов.

Все без исключения — представители интеллигенции.

Называю тех, кого знал как убежденных антибольшевиков, русских патриотов, кто защищал население от произвола немцев.

Защищали, рискуя свободой, как это сделал городской голова Винницы проф. Севастьянов, о котором писал Н. Градобоев.

Вот некоторые имена.

Городской голова Орла, бывший царский офицер, работавший до войны то счетоводом, то делопроизводителем в мелких учреждениях, переезжавший из города в город, — Александр Сергеевич Старов. Погиб в поезде вместе с другими эвакуированными орловцами, взорванном «народными мстителями».

Начальник Орловского округа (область была разделена на два округа: Орловский и Брянский) Николай Михайлович С., ученый педагог. Умер в эмиграции.

Начальник Брянского округа, инженер, в эмиграции.

Начальник Смоленска — адвокат Б. М. Меньшагин. Захвачен. Есть сведения: в концлагере.

Городской голова Острова, адвокат, в эмиграции.

Городской голова Краснодара, инженер, в эмиграции.

Городские головы старинных русских городов: Карачева — доктор, Болхова — учитель средней школы.

Волостными старшинами (не путать со старостами, обычно простыми крестьянами) были во многих местах — учителя.

И все, кто вырвался, в эмиграции.

5.

Читатель вправе спросить: а имена, есть ли имена известные?

Можно назвать и имена.

Критик и публицист Р. В. Иванов-Разумник, известный в свое время всей мыслящей России. Немцев встретил в ссылке, в Царском Селе. Умер в эмиграции, в Германии.

Артист Блюменталь-Тамарин, сын знаменитой артистки Блюменталь-Тамариной. После войны, в эмиграции, жил в Баварии. Убит советскими агентами в период репатриации.

Певец Жадан. Кто из моего поколения не помнит Козловского, Лемешева, Жада-на? Один из трех — в эмиграции.

Наконец наш Бердяев — философ С. А. Алексеев-Аскольдов. В 1941 году жил в ссылке в Новгороде, где и встретил немцев. Пережив в преклонном возрасте все трудности эвакуации, умер в 1945 году в Потсдаме.

В эмиграцию ушли видные ученые, среди них: геолог проф. Л. П. Смирнов, известный до войны в Киеве профессор-медик Ф. П. Богатырчук, Б. С. Бровцин.

В университетах читают лекции профессора, вышедшие из второй эмиграции, среди них: проф. В. И. Седуро, проф. В. Ф. Марков, проф. Н. И. Ульянов (теперь в отставке), проф. В. А. Пирожкова и многие другие.

Называю только малую часть имен. Списки можно продолжить. Выяснить, например, сколько инженеров из второй эмиграции работает в промышленности США и Канады, Австралии и Южной Америки.

Осталась еще одна область, наиболее мне близкая: литература.

Выше были названы писатели Р. М. Березов и Г. А. Глинка, вполне полномочные представители второй эмиграции, но почему только двое?

Только в одной редакции газеты «Новый путь», выходивший во время войны в Смоленске, работало четверо писателей. Один погиб, а трое ушли в эмиграцию.

В редакции симферопольского «Голоса Крыма» сотрудничало два поэта. Они не были членами Союза советских писателей, что нисколько не умаляет их таланта: как

раз в эмиграции, в условиях творческой свободы, таланты и проявляются.

Писатель Виктор Свен писал и в СССР. Леонид Ржевский, профессор литературы, литературовед, писатель (для меня первый наш прозаик), в СССР писать мог только в письменный стол по причине «несозвучности эпохе» написанного.

Николай Нароков, автор романа «Мнимые величины», известного и в подпольной России, рассказывал, что попытки стать писателем в молодости окончились ничем: советские журналы неизменно отвергали его «несозвучное» творчество,

Один из известных наших поэтов Дмитрий Кленовский наверно писал и в СССР, но печататься смог только в эмиграции.

Имя Ивана Елагина знают и в эмиграции, и в подпольной России. Еще мальчишкой писал стихи в СССР, но членом ССП не был — и слава Богу.

Писала, наверно, в молодости и Ольга Анстей. Для себя и друзей.

Не печатался в СССР и членом ССП не был Борис Филиппов — его талант писателя и литературоведа принадлежит эмиграции.

Кажется, не писал до войны и критик Вячеслав Завалишин, а в эмиграции — автор книги о советской литературе.

Талант Сергея Максимова, в Советском Союзе только начинавшего писать, целиком принадлежит эмиграции. «Денис Бушуев», «Тайга», «Голубое молчание» — это наше достояние.

В заключение два списка имен, не претендующих на полноту.

Наши прозаики (по алфавиту): Геннадий Андреев, Родион Березов, Анатолий Даров, Сергей Максимов (умер), Виктор Морт, Николай Нароков (умер), Леонид Ржевский, Виктор Свен (умер), Николай Ульянов, Борис Ширяев (умер), Борис Филиппов.

Наши поэты: Ольга Анстей, Иван Буркин, Ирина Бушман, Глеб Глинка, Иван Елагин, Олег Ильинский, Дмитрий Кленовский, Николай Моршен, Владимир Марков, Ираида Легкая, Геннадий Панин (мастер акростиha), Валентина Синкевич, Татьяна Фесенко, Аглая Шишкова.

Стихи писал Сергей Максимов. Пишут Р. Березов, В. Завалишин, А. Даров, Б. Филиппов.

Списки — без умысла — наверно не полные. Пусть не посетуют те, кого не назвал.

Сознательно не включаю послевоенных, второй эмиграции не принадлежащих, и потому особо приветствую Владимира Юрасова, послевоенного эмигранта, автора романа «Параллакс».

6.

Философы, ученые, писатели, поэты, художники — первой и второй эмиграции. Русская философия, русская литература эмиграции принадлежит России вечной, останется в ее истории. Русские художники-эмигранты известны в разных странах.

Уже сама эмиграция — часть истории России.

Но есть еще те, кто не писали ни книг, ни стихов, ни картин...

Есть те, кто с оружием в руках, на фронтах гражданской и второй мировой войны, в борьбе против заклятого врага России — большевистско-коммунистического режима, защищали и защитили ее честь.

Не будь их, как бы мы смотрели в глаза иностранцам?

Что бы отвечали, когда спрашивают нас: а боролись ли мы или сами открыли двери своего дома, России, захватчикам?

«Так вот, — отвечаем мы словами Александра Солженицына, — на гордость нашу, показала советско-германская война, что не такие-то мы рабы, как нас заплевали во всех либерально-исторических исследованиях: не рабами тянулись к сабле снести голову Сталину-батюшке...» (стр. 30-31).

Нет, не рабами ходили во весь рост в «психические атаки», сея панику в красных рядах, наши белые воины — корниловцы, дроздовцы, марковцы, каппелевцы.

Нет, не рабами рвали из ножен шешки наши казаки, чтобы снести голову учителю Сталина по мокрым делам — Ленину.

И вот теперь, когда нет давно уж тех сабель, когда с чувством глубокого уважения и братской любви пожимаю руки корниловцам и власовцам, думаю: как важно для России, что вы были, как хорошо, что вы есть.

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Нью-йоркский «Новый журнал», который всегда был печатным органом высшей интеллигенции, за последние годы, под руководством Р. Б. Гуля, отошел от всякой узкой партийности и стал просто лучшим литературным журналом русского зарубежья и ценнейшей лабораторией для раз-

работки политических и общественных идей.

После второй мировой войны в нем постепенно отсортировались многие из самых талантливых прозаиков и поэтов новой эмиграции, как Н. Ульянов, Л. Ржевский, Н. Ильинская, И. Елагин, О. Ильинский, Д.

Кленовский... Собственно для русских поэтов за границей печататься здесь — основная марка признания и известности.

Втягивается теперь в журнал и перво-сортное пополнение из эмиграции новейшей, как Ю. Мамлеев, выделяющийся подлинной оригинальностью; в отличие от большинства других он пишет на свои темы. Его рассказы, отмеченные печатью мистического ужаса и тревожной загадочности, несомненно принадлежат настоящей большой литературе. «Голубой», помещенный в № 122, является, однако, самым замечательным его достижением из опубликованного им пока в эмиграции; менее недоговоренный, чем другие его вещи, он гораздо сильнее их всех.

Печатающаяся с продолжениями повесть Анны Герц «К вольной воле заповедные пути» — поистине выше всяких похвал. С поразительной яркостью, доступной только пронизательному очевидцу, автор рисует диссидентов в СССР, их общий круг забот и интересов, типы людей, их составляющих, с их чувствами и трагедиями. Каждый персонаж живет не только своей жизнью, но даже говорит своим языком и делается нам близок и понятен, словно бы мы с ним встретились лично.

В том же номере Н. Арсеньев анализирует творчество А. К. Толстого, с большой любовью, но не без чрезмерных уступок установившимся клише; допуская, например, будто у него попадают трафаретные стихи. С другой же стороны критик точно формулирует причины, мешающие до сих пор правильной оценке этого замечательного романиста, драматурга и стихотворца: «Его невзлюбила... радикально-революционная интеллигенция... отрицатели духовных ценностей и духовных потребностей человека».

В отделе «Политика и культура» выделяется статья В. Варшавского, «„Чевенгур“ и „Новый град“», где, исходя из разбора любопытного, хотя и мало симпатичного романа А. Платонова, автор метко констатирует: «Под наукообразной обличовкой структура марксизма воспроизводит архитип средневекового революционного хилязма». Более сомнительно выглядит сопоставление большевизма с феодальной реакцией: при феодализме много совершалось жестокостей и несправедливостей; но у него были стойкие и ясные моральные идеи, с коммунизмом никак не соотносимые и не примиримые.

В отделе «Сообщения и заметки» интересно письмо председателя и вице-председателя Организационного комитета по слушанию Сахарова Эрно Эстерхаза и О. Фельдштейна Андресена, подводящее итоги Слушания, которое в целом «было ус-

пешным, несмотря на трудности, создаваемые некоторыми людьми, в частности г-жой Шаховской». В силу этого авторы письма заключают: «Мы признаем большой ошибкой наше приглашение г-жи Шаховской принять участие в Слушании».

Переходя от «Нового журнала» к парижскому «Вестнику Р.С.Х.Д.», мы переступаем из области литературной и политической в сферу духовную, оставаясь на том же самом интеллектуальном уровне. «Вестник» не только сохраняет неприкосновенными традиции нашей национальной культуры; он единственный покамест осуществляет то, что еще недавно показалось бы нам невыполнимым: сотрудничество между живыми силами эмиграции и подъяремной России. Какие драгоценные материалы мы здесь находим! Среди сплошь интересных и умных — хотя порой и спорных — статей, его наполняющих, особым светом сияют чудные беседы мученика за правду о Дмитрия Дудко. Через его «Крещение на Руси» в № 117, мы воочию видим, как совершается великое чудо, предреченное Богородицей в Фатиме — возвращение России к Богу.

Трогательная простота евангельского повествования, вполне подобающая предмету, громче и прямее говорит нашему сердцу, чем какие бы то ни было ухищрения литературного искусства. И кто больше о. Димитрия полномочен обратиться к миру с призывом («Из неопубликованных бесед», № 118): «Должен каждый христианин православный почувствовать себя воином, которому дано право воевать за Истину». Ибо наша церковь, как он констатирует, «нам дала величайших святых: Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, царя Николая Второго со всей семьей и других. А сколько безвестных мучеников!». Стихи Солженицына в № 117 вызывают в памяти обличительные, но полные любви стихи Хомякова, посвященные России; сквозь безобразие советского строя, писатель ищет настоящую Россию,

Россию людей прямодушных,
и провидит, что есть и грядет

Единственная Россия,
Неслышимая пока.

Совершенно превосходна и его стэнфордская речь в № 118, где он мастерски анализирует возникновение и сохранение лживой и черной легенды о России, какую Запад себе сочинил и от которой, на свою гибель, не хочет и ныне отказаться.

С сочувствием читаем в № 118 стихи Геннадия Айги, чувашского поэта, который пишет и на русском языке. Положим, жаль было бы, если бы он отошел от своего соб-

ственного народа, несомненно нуждающегося в дарованиях своих детей для развития своей национальной культуры, наравне с русской. Но Айги эта опасность и не грозит, он известен переводами на чувашский (с французского, венгерского, польского), и с чувашского (в том числе на французский). Позволим себе сделать одну поправку к вводящей замечке об Айги В. Воронильского «Сын гуннов, тот самый поэт»: чувашский язык не «принадлежит к угрофинской группе», а является тюркским.

Откликаясь на возмутительную книгу «Прогулки с Пушкиным», С. П. Жаба, хорошо знакомый парижанам как долгодетный секретарь Союза русских писателей во Франции, в обстоятельном, темпераментном и эрудированном этюде «Терцизированный Пушкин» настойчиво и убедительно сравнивает Синявского с Иудой Искаротским. В рассуждениях Абрама Терца он чутко улавливает «отдаленный отзвук... вечно страшных слов: «Радуйся, Учитель!». Ужасный суд! но справедливый, ибо С. П. Жаба обвиняет и уличает Терца в «покушении на духовное убийство Пушкина». Можем только полностью присоединиться к его авторитетному голосу. Попытается ли Синявский оправдываться? Напрасный труд! Отныне он может применить к себе грозную строку оклеветанного им великого поэта:

Ты осужден последним приговором.

От «Вестника» до выходящей в том же Париже еженедельной газеты «Русская мысль», воистину, дистанция огромного размера. Испытываешь ощущение падения в бездну... После доброкачественного и бескомпромиссного антикоммунизма «Нового журнала» и «Вестника Р.С.Х.Д.» поражает передовица в номере «Русской мысли» от 15 июля за подписью **З. Ш.**, содержащая горячую апологию итальянского коммуниста Берлингуэра: «Предвижу поток гневных писем в редакцию и все же, признаюсь — генсек итальянской компартии мне чем-то симпатичен... лицо у него умное, живое и даже скульптурное, кулаком он с трибуны не грозит и противников гадинами не называет. Еще мне нравится, что, не принадлежа по происхождению к пролетариату своей страны, он о нем заботится — никак не из зависти к чужому благополучию». Если автор искренен, то он очень наивен. Коммунисты с изящными манерами — не такая уж редкость; но светское воспитание не мешает им палачествовать, когда нужно. Что же до нежных чувств «генсека итальянской компартии» к рабочим, русский народ, в душевной простоте, о подобных эмоциях отзывается так: «любил волк кобылу». Во всяком случае не

веришь своим глазам, читая комплименты одному из вождей мирового коммунизма... в русской эмигрантской газете! Добро еще, были бы это советские «Русские новости», закрывшиеся за неимением читателей. Невольно вспоминаешь стихи, приводимые Анной Герц в уже упомянутой нами ее повести в «Новом журнале», правда, у нее примененные к молодым коммунистам «прогрессивного» толка в СССР:

А в глазах у них Тольятти и Терез...

Наиболее значительным явлением в «Русской мысли» за последний период была полемика о «Прогулках с Пушкиным» Синявского, начавшаяся в номере от 18 марта хвалебным отзывом о них покойного М. Слонима, про который говорить не станем, ибо *de mortuis aut bene, aut nihil*.

Чувствуется, что в данной дискуссии редактор, не пугаясь «потока гневных писем в редакцию» (из коих мало что попадает в набор), твердой рукой обеспечивает перевес сторонникам Синявского. Вероятно, руководясь соображениями, изложенными ею в статье «Все о тех же прогулках» в номере от 15 июля: «Против „Прогулок“, кроме Павловского, были лица, или успешные родители в дореволюционной России, или выросшие за границей... Другая часть — защитники „Прогулок“... были как бы исключены из России начала XIX века, которая до самой революции еще жила ощущениями XIX-го». — Откуда у З. А. Шаховской такие сведения, не только не соответствующие действительности, а и прямо ей противоположные? Из всей второй эмиграции, состоявшей из людей, воспитывавшихся, а часто и родившихся в советской России, не нашлось никого, кто бы проявил неуважение к памяти Пушкина. Удивляет легковесность суждений г-жи Шаховской, хвальной, однако, что 50 лет живет на Западе. Как же она не знает, что западные наблюдатели постоянно подчеркивают, — иногда недоброжелательно, но в данном случае вполне верно, — что Россия живет поныне, и морально, и эстетически, в XIX веке? Стоит ли об этом жалеть — вопрос, когда мы посмотрим на творящееся на Западе, В остальном г-жа Шаховская очевидно думает, что Пушкин устарел и подлежит сдаче в архив. — Дело вкуса. Но много бывало и прежде охотников сбросить Пушкина с корабля современности, — а он продолжает на этом судне занимать почетное место.

Что до новейшей эмиграции, то вот Шаховская принуждена же оговориться: «кроме Павловского». Ибо Ю. Павловский — единственный, кому было дозволено выступить в защиту Пушкина, — блестяще разоблачил и заклеил Синявского как

литературного хулигана. И трудно представить себе, чтобы люди, как А. И. Солженицын или Д. М. Панин, присоединились к мнению Синявского.

А в «Новом русском слове» от 29 июня Андрей Седых, отмечая уход Синявского из «Континента», добавляет: «Журнал от этого несколько не проиграл. После появления на свет его последней весьма грубой по тону и оскорбительной по содержанию книги «Прогулки с Пушкиным», вряд ли найдутся желающие прогуливаться в обществе Синявского-Терца».

Настроения, поспешно приписанные всей новейшей эмиграции и даже всей России, остаются в реальности уделом маленькой кучки шумно дефилирующей на страницах «Русской мысли».

Как бывает перед большими потрясениями, наряду с истинными народными трибунами, как Солженицын, Шафаревич, о. Дудко, на поверхность всколыхнувшейся стихии выплеснулись тина и пена, в виде буйной, ультра-левой, нигилистической интеллигенции, выдающей свои личные вкусы за всеобщие. Не будем увлекаться ее демагогией, дабы не попасть потом в смешное положение.

Шумим, братцы, шумим! А как они шумят? Не имея доводов, В. Некрасов, в номере от 1 июля, угрожает Ю. Павловскому побоями... Напрасно новейшие эмигранты вносят в печать омерзительные нравы советских коммунальных кухонь. Бесславный почин... Совсем напрасно воображает себе В. Некрасов, будто Пушкин, живи он сейчас, счел бы за честь познакомиться и сблизиться с ним и с Синявским. Пушкин от друзей ждал порядочности и воспитанности. А в отношении врагов и зоилов, он за словом в карман не лез; не угодно ли?

Козел в очках, плюгавый клеветник.

Пожалуй, дружба не состоялась бы.

Иначе полемизирует Н. Горбаневская в номере от 24 июня: таинственно ссылается на неопубликованное письмо Павловского в «Континент», голословно объявляет его аргументы «злобными и немощными», бряцает своими небогатыми знаниями в области пушкинистики и выражает свое безграничное презрение всем тем, кто так глуп, что до сих пор «зубрит и почитает» Пушкина. — Ничего; не устрашимся, и будем почитать и дальше. Его-то слава живет 250 лет. А г-жа Горбаневская, — кто знает? Может статься, она по деликатному выражению Александра Сергеевича —

Имени векам — не передаст.

Упомянем и глумливое письмо Ю. Вишневской в номере от 15 июля (бросив его на стол в виде решающего козыря, редакция

на нем закрыла полемику). Шутки сей милой дамы более циничны, чем убедительны. Если Синявского причисляют к русофобам, то не без причины, — не обозвал ли он Россию сукой? Антисемитом его никто не называл, а вот Вишневскую так назвать можно (даже если она сама еврейка): ибо, да, конечно, есть русские люди еврейского происхождения, любящие Пушкина. Над чем она смеется?

Ее издевательское предложение — исключить Синявского из Пен-Клуба стоило бы в самом деле осуществить. Но не исключат: многие на Западе рады, когда оскорбляют Россию, даже готовы за это платить.

Это нам, русским людям, наша великая национальная культура всегда служила, среди испытаний и страданий, опорой, защитой от унижений и залогом лучшего будущего. Те, кто принижает имена Пушкина, Гоголя и Чехова, отнимают у нас щит и меч. И вооружают большевиков: ибо если они будут защищать великое прошлое русского народа, а мы, эмигранты, его отрицать, — Россия окажется с ними, а не с нами. Лишь безнадежно тупые люди верят, что для борьбы с Советами надо развенчивать память Суворова и Александра Невского, Ломоносова и Менделеева!

Г-жа Шаховская с типичной для нее наивностью считает полемику о Пушкине «далекой от политики». — Наоборот: вопрос о ней имеет острое политическое значение, есть вопрос о нашем прошлом и будущем, о том, быть нам или не быть.

Вот почему важно, чтобы русская эмиграция решительно заявила Синявскому:

Нельзя ли для таких прогулок
Подальше выбрать закоулков?

Владимир Рудинский

Редактирует коллегия:

А. Курченко, И. Мусман, В. Пирожкова

Адрес редакции: GOLOS SARUBESCHIA
Bothmerstr. 14, 8 München 19. BR Deutschland

Verantwortlich für den Inhalt:

Redaktionskollegium:

А. Kurtchenko, I. Musman, V. Pirochkowa

Банковский счет —

Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 München, Konto Nr. 27600-914318

Перепечатка разрешается, но с указанием
источника

Druck: „Logos“, Bothmerstr. 14, 8 München 19

